

УБИЙСТВО
В СЕРДЦЕ
ИМПЕРИИ

О.БЕРМАН

16+

Олег Берман

Убийство в сердце империи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Берман О.

Убийство в сердце империи / О. Берман — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Представим, что на земле живут не только люди, но и эльфы, гномы и даже орки. Представим, что бессмертная раса имела значительное влияние на развитие земной цивилизации. На дворе 2052 год, на боковой улочке Берлина, столицы Германской Империи, обнаружено бездыханное тело эльфа. Под давлением могущественной эльфийской корпорации резонансное преступление передано старшему комиссару Мальтхофу, сородичу жертвы.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Берман

Убийство в сердце империи

Предисловие

– Простите, но разве вы не в курсе, что желтые бриллианты и ювелирные изделия с ними находятся на особом контроле Комиссии? – зашедший в лавку снял мокрый от дождя капюшон, раскрыв важную сторону своей личности.

– Это мне известно, уважаемый, – последнее слово было произнесено особым, изначально примирительным тоном. Бессмертные чрезвычайно редко таким образом обращались к другим народам, но дело было безотлагательное и высокий господин с длинными прямыми волосами решил на время забыть о многовековой распре. – Все документы у меня с собой.

– Господин, даже если ваши документы в порядке и Комиссия дала свое добро на ритуал, стоило позвонить. Вы наверняка в курсе, что желтые бриллианты стали большой редкостью и достать их – дело совсем непростое...

На лице посетителя не дрогнул ни один мускул, причитания приземистого ювелира его не касались, он знал, зачем он здесь. Для ускорения процесса клиент приподнял из кармана увесистую пачку наличности и этот довод был воспринят благосклонно: оборвавший сам себя на половине фразы торговец просиял и выразил на лице понимающую мину.

– Ну, раз дело касается благородного господина, я думаю, мы сможем найти выход из ситуации.

– Да-да, я был бы вам очень признателен.

«К черту мне твои признательности, остроухий, – подумал продавец, распечатывая бланки для Ритуальной Комиссии. Естественно, в двух экземплярах. Да хоть бы ты этим камнем стекло нарезал, такой «кирпич» тысяч на двадцать–двадцать пять потянет. Так что мне все равно...»

– Я с радостью возьму на себя часть хлопот. Передайте мне бумаги. Так... Все верно, однако отсутствуют подписи. Прошу подписать вас здесь и здесь.

– Всенепременно, – не отрываясь от бланков, проговорил покупатель. Оставив на последних страницах две совершенно одинаковые, витиеватые, абсолютно нечитаемые подписи, он поднял глаза и встретился с вопросительным взглядом продавца.

– Ах да... конечно, – тонкая рука достала из кармана ассигнации, и те стремительно перекочевали под прилавок.

– Аккуратнее, прошу Вас! Сейчас глаза есть не только у стен, не мне вам говорить. Мне лишние неприятности ни к чему.

– Прошу прощения. Я не совсем понимаю...

– Ладно, ладно. Вам стандартной огранки и размера? – начал торопиться ювелир. Эта чистота и даже наивность существа, которому могло быть легко за тысячу лет, начала нервировать.

– Я думаю, что да, – посетитель и представить не мог, что в ювелирном магазине на одной из боковых улочек Шарлоттенбурга желтые бриллианты были на выбор. Да, человек-наводчик указал на наличие бриллианта в этом неприметном салоне, но несколько камней в корне меняли дело.

– Думает он... – окончание фразы разобрать было нельзя даже острому в буквальном смысле слова уху. Приземистый, сухощавый мужчина прошел к сейфу у стены. Подарок от гномов из Рудных Гор, несмотря на свою нестандартную форму, служил верой и правдой много лет, менять его на что-то более современное не было никакого желания, да и страховка делала

ограбление собственного магазина делом скорее прибыльным, нежели наоборот. Из открытой дверцы сейфа на свет появился лоток с несколькими бриллиантами, из-за особенного оттенка походившими на карамель. Карамель за десятки тысяч гульденов.

– Выберите любой, они все идут по одной цене. По всему городу. Скажите спасибо Комиссии. Как будете оплачивать?

– Эмм...

– А это..., – делец многозначительно посмотрел вниз, – было за услугу.

Теперь покупателю стало понятно, почему продавец так засуетился, когда он достал деньги. Это была взятка... Взятка за сэкономленное время. Мелочность и жажда наживы смертного не вызвали бурю негодования, в казавшейся застывшей фигуре мужчины неопределенного возраста, он знал, на что шел и с чем мог столкнуться. Только выходило это накладно... с финансовой точки зрения. Клиент тяжело вздохнул и почти обреченно произнес:

– Вы принимаете кредитки Американского Банка?

Крепкая рука хозяина по-отечески погладила бронированное стекло витрины.

– Господин, может быть мой магазин и не располагается на Фридрихштрассе, но я и мой персонал так же ценим и уважаем наших клиентов. Конечно, мы принимаем кредитные карты Американского Банка!

– Прошу прощения, – извинился высокий покупатель и медленно указал на один из пяти лежащих перед ним кристаллов. – Я не хотел вас обидеть.

Кусок пластика проглотил портативный аппарат для транзакций спустя секунду после выбора камня. Кассовый чек сигнализировал об окончании официальной стороны сделки. Передав бланки, чек и небольшую пластиковую коробочку с бриллиантом, ювелир утратил интерес к покупателю и обратился к своим повседневным делам. Новоиспеченный владелец драгоценности и сам потерял всякое желание общаться, он только рассеяно кивнул и направился к выходу.

Острое желание помыться он смог преодолеть, едва захлопнулись двери ювелирной лавки у него за спиной. Мелкие капли морозящего уже несколько дней дождя смывали грязь слов продавца, одновременно напоминая покупателю о его цели, которая сейчас была как никогда близка. Возможно, из-за предвкушения победы, а возможно, из-за тысяч капель, бьющих по телу немецкой столицы, эльф слишком поздно расслышал шаги у себя за спиной. Это были не просто шаги спешащего по делам берлинца или мечтательного гостя столицы, забредшего так далеко от достопримечательностей. Это были шаги крадущегося за жертвой охотника...

Глава 1

Вздох. Вздох полной грудью, настоящий, добавляющий сил и проясняющий голову. Он прикрыл глаза, ему не надо было смотреть вокруг себя, поражаясь красоте окружающего мира. Всё, абсолютно всё хранилось в его памяти. Бесконечное синее небо, под которым раскинулись родные холмы и леса. Рядом шумел родной его душе Ольт, берущий свое начало высоко в горах. Глядя вверх по течению, можно было рассмотреть и сами Каменные Горы, где день и ночь трудились гномы Каменного трона. Подземный народ сыздавна добывал там желтые бриллианты, столь необходимые вечному племени. Когда-то эти земли населяли лишь смертные, однако тысячу лет назад его отец пришел в эти места вместе с другими свободными эльфами. Без войны, в мире, каждый народ жил здесь своим двором, сам по себе. На месте, где он сейчас находился, можно было в полной мере насладиться контрастом вековой мощи леса, легкости золотых полей и величия гор. Минутя десятки небольших деревень, можно было дойти вплоть до белых неприступных стен его родного Сибиу, на чьих улицах когда-то, непростоительно давно, он бродил в компании своих братьев и сестер. «Дом...», – лишь одно слово пронеслось в его голове, а ветер дружески играл с его длинными волосами, гладил вечно молодую кожу, напевая о чем-то давно ушедшем... о чем-то безнадежно потерянном... Незачем было отказываться от этого, незачем было мешать этому происходить.

– СЕАНС ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕРЕЗ 5 МИНУТ. ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПРОДОЛЖИТЬ СИМУЛЯЦИЮ, ПОЖАЛУЙСТА, ПРОИЗНЕСИТЕ КОДОВОЕ СЛОВО И ОНА БУДЕТ ПРОДЛЕНА ЕЩЕ НА 1 ЧАС ПРИ УСЛОВИИ СПИСАНИЯ СРЕДСТВ С ВАШЕГО СЧЕТА. СПАСИБО! – милый женский голос проревел циркулярной пилой над ухом и жестоко вырвал мужчину из теплых объятий лжи. Красивые черты лица на долю секунды искривились.

– Прекратить сеанс досрочно. Кодовое слово «крепость».

– **ПОДТВЕРДИТЕ ДОСРОЧНОЕ ОКОНЧАНИЕ СЕАНСА!** – бюрократически правовое подтверждение смело последние крохи иллюзии.

– Подтверждаю досрочное окончание. Кодовое слово «крепость».

Черное ничто окутало вселенную. Было так темно, что, как ни вглядывайся, невозможно было рассмотреть даже собственных рук. Хотя... какие к черту руки? Пора возвращаться в реальность.

Реальность представляла собой пустую комнату, в центре которой стоял высокотехнологический аппарат, предлагающий путешествие в мир ничем не ограниченных фантазий. Пусть окружение не отличалось радушием призрачной вселенной, на лице клиента нельзя было заметить и тени разочарования. Он был доволен своей жизнью, а путешествие в прошлое было только приятным дополнением. Мужчина снял с себя дорогостоящее оборудование и легкой поступью вышел из кабинета. Настроение было приподнятое, день мог начинаться. На землю его вернул немногословный администратор клуба, который не был расположен делить оптимистический взгляд на вещи.

– Вот и я! Я хотел бы оплатить сеанс на кресле номер четыре.

– Пятнадцать гильденов.

– Хорошо. Могу я оплатить кредиткой?

Администратор молча положил на стойку небольшую пластиковую коробочку с бегающими огоньками вокруг дисплея, на котором высветилась сумма перевода. Клиент пронес кредитку перед сканирующим устройством, оно просигнализировало зеленым цветом об удачной оплате – на том и закончили.

Мужчина вышел из клуба и разочарованно выдохнул. Его работа заключалась в том, чтобы уметь втираться в доверие к любым представителям современного общества. Общаться с ними и склонять их доверять ему, а тут он не смог заставить себя попроситься с хмурым

сотрудником салона. «Ладно, в конце концов, этот товарищ тоже не сахар. Мог бы пригласить посетить их заведение еще раз». Он нерешительно переминал пачку сигарет в кармане куртки, взвешивая все за и против, когда затянутое тучами небо сменило свой наряд с цвета бычьей крови на черный. Бесконечная реклама во всем городе погасла повсеместно по приказу бездушного робота. От неожиданности эльфу показалось, что он ослеп, настолько мрак вокруг него казался всеобъемлющим. Гражданская администрация города неоднократно пыталась пробить запрет на наружную рекламу в ночное время, однако синдикаты и корпорации вкупе с Советом с помощью нужных исследований доказали, что честному немецкому народу, а с ним и другим жителям Берлина не мешает неон с улицы в темное время суток. Тем более люди просыпаются довольно рано и подобный запрет будет негативно отражаться на торговле, а как следствие и на налоговых отчислениях. Логика предложения хромала на обе ноги, но деньги делали свое дело. Оттого так и повелось, что искусственное солнце мегаполиса заходило только ранним утром, передавая смену космическому собрату хлопком ладони. Только поздней осенью и зимой ночь получала возможность показать всем свое истинное лицо хотя бы на пару часов. Это случилось и сейчас. К черту. Рука разжалась.

Предпочитая общественному транспорту собственные ноги, Этцель шел по влажному асфальту, минуя квартал за кварталом, не особо обращая внимания на окружающий его город. Столица быстро просыпалась, под огромными вывесками и щитами уже копошились мелкие торговцы, пекари выкладывали в корзины первые порции сдобы, уборщики на своих ярко-оранжевых машинах чистили и без того опрятные улицы. Что-то в аргументации воротил бизнеса было правдивым. После Войны культура Германии почти не изменилась: добрый, честный труд так и оставался главной благодетелью. Подъем раньше всех петухов считался нормой, а жизнь после работы сводилась к немудреной выпивке, покупкам скарба, да плотским утехам. Только другие народы да иностранцы сдабривали собственным существованием пресный студень немецкого государства. Однако сейчас подавляющее большинство гостей спало спокойным, крепким сном гедониста, спасаясь от вездесущей рекламы и утреннего брожения улиц кто ставнями, а кто фотохромными стеклами своих спален. Все зависело от достатка.

Одетый по европейской моде в джинсы и темно-синюю стеганую куртку, Этцель не выпадал из когорты обычных обитателей Шёнеберга. Длинные уши, так смущавшие жителей еще 25-30 лет назад, теперь были в моде, так что молодой человек с длинными волосами и вытянутыми вверх ушами у большинства ассоциировался в первую очередь с огменом¹, чем с бессмертным, шагающим ранним утром на своих двоих в сторону центра.

Пройдя легким шагом чуть более шести километров на восток, он вышел на Драйбундштрассе, где уже возле места службы Этцель решил позавтракать. Спешить было некуда, до смены оставалось еще достаточно времени. Достаточно, чтобы насладиться тонким изгибом тела милого существа – официантки, расставлявшей стулья и столики рядом с только что открывшимся кафе.

– Господин Мальтхоф, доброе утро! Вы как всегда рано. Хозяин еще не запустил кофемашину, если вы будете так любезны немного подождать, то буквально через пять минут ваш медовый раф будет готов.

– Доброе утро, Кларисса! Если вы в качестве извинений принесете свежую газету, то я готов ждать хоть целую вечность, – этикет был соблюден вплоть до мельчайших деталей. Девушка улыбнулась и скрылась в кафе. Этцель тоже улыбнулся ей вслед, он как всегда остался снаружи, присев за один из столиков. Эта постановка повторялась несколько раз в неделю: она знала, когда он обычно приходил, он – что кофемашинка в это время еще холодная, но этот с виду нелепый обмен любезностями – единственное, что они могли позволить друг другу.

¹ Отмен (от англ. «Augman») – субкультура с начала 20-х годов 21 века. Сложное слово из англ. «Augmentation» – дополнение и англ. «man» – человек.

Кларисса была почти идеальна. Умна и красива, честна и застенчива. Только одно мешало им развить беседу: кончики ее вытянутых вверх ушей предательски смотрели вниз, так что нечего было и думать. Такого Дом бы ему не простил, отношения с родственниками и так были на пределе с тех пор как Этцель... да, было время. Было время... было... Изящный танец меда и правильно обжаренной арабики вывел Этцеля из глубоких раздумий. Он в очередной раз улыбнулся. Стоит наслаждаться тем, до чего в состоянии дотянуться.

После утреннего кофе мужчина посмотрел на часы: стрелки показывали без десяти минут семь. «Начальство нельзя заставлять ждать» – промелькнуло у него в голове. Оставив на столике несколько гүльденов, посетитель направился к своей конечной цели.

Огромное здание по диагонали от кафе внушало трепет и чувство собственной незначимости каждому прохожему, что как раз требовалось от архитектора чуть более ста пятидесяти лет назад. Это и пригодилось Главному Полицейскому Управлению Берлина после Войны. Этцеля непроизвольно передернуло от всплывших в памяти картин военных лет. Задуманное как аэропорт, во время Войны здание достраивали пленные русские и французы. Сколько их погибло без суда и следствия – кто знает? Кому пришло в голову использовать это здание под полицейское управление, мужчина не знал, но иронию оценил.

Хорошо смазанная, старомодная дубовая дверь поддавалась привычно легко, и наружу лавиной вырвался поток звуков: обрывков диалогов, проклятий, диктовок и нецензурных междометий. Среди этого гомона эльфийское ухо уловило почти родной, обращенный к нему, голос:

– Доброе утро, старший комиссар Мальтхоф! Вас вызывают наверх. Прямо к президенту.

– Главный комиссар Шмидт, рад приветствовать! Я ослышался? С каких пор президент хочет распить со мной утренний кофе?

– Я прекрасно знаю, что ослышаться ты не можешь. Времена меняются, Этцель. Дело, кажется, очень серьезное, – сдержанно произнесла Кристина Шмидт – милое и приветливое лицо криминальной полиции Берлина. Одна из немногих, кто не чурался сотрудников-нелюдей, и сейчас ее серьезный тон говорил о многом. Мешкать действительно не стоило.

Быстро кивнув, мужчина без возраста метнулся мимо стойки в уже закрывающиеся двери уходящего наверх лифта, где буквально столкнулся нос к носу с хорошо знакомым ему и оттого так откровенно нелюбимым персонажем.

Доброе утро, Этцель. «Рада видеть тебя в полном здравии», – высокая женщина с длинными распущенными волосами, доходившими ей до пояса, слегка наклонила голову, приветствуя вошедшего в лифт.

– Тетя, – сухо ответил старший комиссар и встал рядом с родственницей в кабине движущегося на самый верх лифта плечом к плечу, чтобы не встречаться с ней взглядом. По мнению Этцеля, этого было достаточно. Раз встреча проходила наедине, можно было не придерживаться пустого этикета. С одной стороны, пять сотен лет – достаточный срок для того, чтобы смириться с прописной истиной, что родственников не выбирают. С другой стороны, лицемерить круглые сутки на протяжении столетий стоило больших сил, а их как раз у Этцеля и не было. Слишком много негатива было между названной тетей и названным племянником; особенно сложно складывались их отношения в последние двести лет, когда Династии, или, как сейчас было принято говорить, Дому, вздумалось принять участие в захвате мира.

На верхнем этаже здания Главного Полицейского Управления Берлина царил совсем другая атмосфера. Не было здесь ни посетителей, ни рядовых полицейских, ни офицеров. Это место было гнездом подковёрных распрей и интриг. Сюда имели доступ только советники, старшие советники, прочие высшие чиновники и политики. Исключением могли быть только главные комиссары, но даже в этом случае Этцелю нечего было здесь делать. Его же тетушка, судя по ее уверенному виду, была на этом этаже частым гостем. Едва двери лифта открылись,

она направилась налево по коридору, хотя поворот направо казался Этцелю не менее логичным. Полицейский остановился в нерешительности.

– Президент не любит ждать! Следуй за мной! – прозвучал холодный голос. Роль ведомого, тем более родственницей, пришлось не по душе Этцелю, но в данной ситуации делать было действительно нечего, и он последовал за длинным и дорогим плащом-накидкой серебряного отлива налево по коридору. Стоило выяснить, в каком качестве представитель его Дома пришел в полицию. Титулов, званий и должностей у тети было предостаточно, поэтому вопрос, за кем именно он следовал сейчас в кабинет директора, был все еще открыт. Поравнявшись с ней, Этцель решил на этот раз сам начать разговор:

– Что привело тебя сюда, Альбрун? Дела Дома или корпорации? – спросил он наконец.

После принятия Закона Дракона, предписывающего планомерные ритуалы перерождения и более тесный контакт со смертными, эльфы занялись делом, доселе считавшимся недостойным – торговлей.

Спустя сотни лет из небольших торговых союзов выросли огромные транснациональные корпорации, а торговлей стало заниматься престижно и выгодно. Зачем убивать врага, если можно его разорить? В каждом совете директоров любой крупной компании сегодня можно было увидеть остроухую голову, чей голос был, если не решающим, то весомым. В бессмертии были свои плюсы.

– Дела корпорации и есть дела Дома, Этцель. Все что тебе необходимо было знать, ты мог узнать вчера на ночной видеоконференции, на которой тебя, естественно, не было. Теперь же мучайся неизвестностью, хоть мука и будет скоротечной.

«Один-один», подумал Этцель и ухмыльнулся. Приятно было осознавать, что он не ошибался и неприязнь между ним и большей частью его Дома была обоюдной. За углом тихого и пустого коридора пара наткнулась на стоящий перпендикулярно стол, за которым сидел секретарь президента Полиции Берлина.

– Доброе утро, госпожа Мальтхоф, старший комиссар Мальтхоф, – дежурный костюм, дежурный голос, дежурная улыбка и взгляд, от которого даже бессмертным могло стать не по себе. Непокколебимая верность и готовность служить читались в глазах этого человека средних лет. «Личный адъютант, а не секретарь», – промелькнуло в голове Этцеля. Мужчина встал из-за стола и рукой пригласил следовать за ним. От стола до массивной двустворчатой двери было добрых десять метров, полных приватности, – разговоры в кабинете президента там и должны были оставаться. По старомодному обычаю секретарь постучал в дверь прежде чем зайти внутрь.

– Впусти их, Бен, – раздался уверенный голос.

– Прошу, – элегантно жестом секретарь Бен приоткрыл дверь, ровно настолько, чтобы туда прошел один человек, Этцель пропустил вперед Альбрун. Еще один старомодный жест.

В отличие от пропахшего нафталином коридора, кабинет президента Словик был обставлен по последнему писку моды и оснащен новейшей техникой. Президент в целом была яркой прогрессисткой: едва вступив на пост президента полиции, она провозгласила «новую эру» толерантности и прагматизма. Полиция должна была перестать быть бастионом людей, приняв в свои ряды представителей других рас. Как раз во время этого призыва Этцель принял решение закончить свое праздное существование гедониста и пойти служить в полицию. Голубую форму примерили в том числе некоторые гномы, и даже орки пополнили ряды правоохранительных органов столицы Империи, однако ввиду царившего общего недоверия, из них сформировали отдельные отряды особого назначения, действовавшие крайне эффективно, но зачастую автономно от остальных. По большому счету на том и остановились. Флер прогресса помер вместе с приходом в руководство полиции представителей Домов. Окутав своими сетями все более-менее новаторские начинания Словик, эльфы душили их, едва замечая намек на возможную потерю влияния. Президент вскоре и сама поняла, что развернуться ей

не дадут. Она попыталась было устроить чистки рядов под лозунгом «Свежий ветер в пыльных кабинетах», но и эта операция была задавлена тоннами бумаг, предписаний и параграфов. Все, что осталось от когда-то решительной и волевой женщины был ее кабинет, в котором, к сожалению, она уже не была начальницей.

Так и сейчас: Этцеля встретила не только Словик, был еще один родственник, на этот раз кровный. Двоюродный брат Хильдебальд, старший советник криминальной полиции и одновременно полномочный представитель Дома Крупп стоял, заложив руки за спиной, по левое плечо от сидящей за своим столом президента. Долгое кузены были близки, но во время Войны их мнения разошлись настолько сильно, что от дружбы не осталось и следа. Теперь они встречались все больше по делам, то есть крайне редко. Сама Словик внимательно изучала текст на своем рабочем планшете, и не отвлекаясь от чтения, пригласила своих гостей занять большие гостевые кресла напротив стола. Что Этцеля удивило, так это присутствие в кабинете еще двух ему знакомых, на этот раз профессионально, человек. Седеющий, но не сдающийся директор криминальной полиции Берлина – Кристиан Штайф, и мужчина средних лет с изящными бакенбардами, глава первого отделения криминальной полиции столицы империи – Франц Йозеф Брандт. Этцель, следуя предписанию, поприветствовал сначала президента, потом коллег и лишь в конце кивнул кузену. Альбрун нарочито поприветствовала сначала племянника, а уж потом смертных. Это нарушение всяческого этикета Словик пропустила мимо себя и, как только вновь пришедшие заняли свои места, напрямую обратилась к Этцелю:

– Старший Комиссар Мальтхоф. Всех в этом кабинете вы знаете. Вы знаете их ранги и положение в обществе и, конечно, вы спрашиваете себя, почему здесь вы. Чтобы не ходить долго вокруг да около, ознакомьтесь с этим. – Она смахнула с планшета изображение и то появилось на стене. – Это ваше новое дело.

– Прошу прощения, госпожа президент. Я не совсем понимаю... – начал было Этцель, но вовремя осекся. Изображение на стене говорило само за себя. Сложно сказать, где было совершено преступление, однако, причина вызова Этцеля стала понятной. Искалеченное тело, изображенное на стене, принадлежало эльфу. Мальтхоф сразу мог распознать другого бессмертного и никакие технологии не могли обмануть его глаза, и дело здесь было не только в вытянутых ушах или длинных распущенных волосах жертвы. Это было неуловимое ощущение утраты, которое появлялось только при виде мертвых эльфов.

– Именно, старший комиссар, – продолжила президент. – Вчера около десяти часов вечера было совершено это убийство. Имя убитого неизвестно, документов при нем не обнаружено. Главный комиссар Брандт, продолжайте.

– Благодарю, госпожа президент. Так вот, Этцель. Убийство произошло в районе Шарлоттенбург между Кантштрассе и Круммештрассе. На лицо убийство первой степени. В кратчайшие сроки наши люди... эм.. наши сотрудники прибыли на место. Как только стало понятно, что речь идет не об огмэне, а о твоем сородиче, ввиду возможного резонанса я сразу сообщил об инциденте директору...

– Именно. Спасибо Франц, – не желая стоять манекеном, слово перехватил Штайф, который двумя широкими шагами подошел к изображению и указал на тело. – Это первое за три десятилетия убийство эльфа на улицах столицы. Сразу же мы создали оперативный штаб, оцепили квартал и начали опрашивать свидетелей. Буквально через час после начала оперативной работы мы сообщили вашему Дому...

– И сделали это на час позже, чем следовало, Кристиан. – Хильдебальд даже не сделал попытку извиниться за столь наглое поведение. Он протер свои очки с нулевыми диоптриями и водрузил их на свой длинный и прямой нос. – Только после звонка мы смогли подключиться.

– По сути Дом Крупп остановил расследование! – все-таки Штайф не был политиком, хоть и являлся высокопоставленным полицейским.

– Кристиан, мы задействовали собственные каналы. Слишком активная позиция представителей правопорядка на данном этапе могла бы стать контрпродуктивной...

– Для вас я все еще директор Штайф! – потерял контроль над собой директор. Формально человек стоял на ступень выше эльфа.

– Кристиан! – одернула своего сотрудника Словик. Однако Хильдебальд, казалось, даже не заметил неудовольствия директора криминальной полиции.

– Дом принял решение... рекомендовать, чтобы этим... делом занялся кто-нибудь из нас. Здесь в игру вступаешь ты, мой дорогой кузен. – Хильдебальд впервые пристально посмотрел на Этцеля. – Раз уж среди нас есть... комиссар, – это слово эльф в костюме ценной в годовой оклад полицейского просто выплюнул в группу людей в мундире, – то ты смог бы помочь разыскать преступника.

– Именно. Я, как наивысшее служебное лицо, приняла решение о принятии этой рекомендации во внимание. – Словик пыталась всеми силами сохранить лицо и показать, что она здесь принимает решение. Это жалкое зрелище вызвало у Этцеля почти инфантильный протест.

– Госпожа президент! Я... я благодарю вас за это решение и Дом за свою рекомендацию, однако, я не понимаю, почему здесь находятся гражданские лица?!

– Успокойся, племянник, – Альбрун окончательно дала понять, кто здесь главный. Этцель даже не подозревал, насколько сильны были позиции Дома в полиции. На низовом уровне работа шла совсем иначе, и на «остроухих» смотрели совсем по-другому. – Я здесь в качестве представителя Ритуальной Комиссии, – продолжила тетя. – Нам стало известно, что жертва вчера подала документы на ритуал перерождения. Вот документы, которые он представил. Место убийства нам кажется выбрано случайно, на твоём месте я бы обратила внимание в первую очередь на личность убитого и его связи, – бумажная папка переплыла из рук эльфа к Словик. Теперь стало понятно, почему Альбрун была здесь. Президент, не раскрывая папки, передала ее Этцелю, которому уже не сиделось на месте. Всем своим существом он хотел выйти из этого террариума с гремучими змеями.

– Займись этим делом, Этцель. Я беру дело под свой контроль. Старший комиссар, с вас ежедневные отчеты. Я же буду проводить брифинги с господами Мальтхофом, Штайфом и Брандтом и вмешиваться в ход расследования, если это того потребует.

Ну и, естественно, никто не должен знать над чем ты работаешь. Лишняя шумиха нам ни к чему. А теперь ступай, ступай. Дело стоит уже несколько часов.

Комиссар встал и, быстро кивнув оставшимся, направился к выходу. Он был рад полученной свободе, но в глазах своих сородичей он увидел, что Штайфу еще предстоят несколько очень неприятных минут, и ему стало горько от такого положения вещей. Двойная Vergüenza ajena². Пора приступать к делу.

Выйдя из лифта, эльф снова оказался в уютной атмосфере честно функционирующей полиции. Метались младшие чины; степеннее, но не менее быстро перемещались комиссары. Длинноволосая фигура вошла в ставший родным поток блюстителей порядка. Проходя мимо стойки, он встретился глазами с Кристиной. Обмен взглядами был очень быстрым, но говорил о многом: «-Все в порядке? – Прорвемся...» Такой ответ удовлетворил немолодую женщину. В полицейской работе иначе и быть не могло. Она знала Этцеля уже не один десяток лет. По правде говоря, добрых тридцать лет назад они вместе поступили в академию. Оттого она и была так привязана к этому остроухому мальчишке. Был мальчишкой, им и останется. Мальчишка, которому было уже добрых пятьсот лет.

Уже у себя в кабинете Этцель раскрыл папку. Плотный картон песочного цвета, дорогая бумага были еще одной данью консерватизму. Шапка документа – настоящий подарок для

² чужой стыд / испанский стыд (исп.)

любителей геральдики. В Ритуальной Комиссии принимали участие все Большие Дома, следовательно, их геральдические щиты были внесены изящной рукой художника-оформителя в логотип этой организации. В самом документе комиссар нашел все, что ему нужно было для первого шага: имя и адрес жертвы, а также всю необходимую информацию о свидетелях. Судя по выбору свидетелей, жертва, то есть Мар-Ямин Онезорг был одним из немногих оставшихся свободных эльфов. Свидетелей он опросит позже, сейчас стоило заехать к судмедэкспертам. Наверняка они уже готовятся к вскрытию.

Из своего укромного кабинета на первом этаже исполинского здания Этцель спустился в гараж, где стоял его сине-серебряный «вандерер». Немногие комиссары имели право водить эту марку автомобилей. Этцелю хотелось верить, что это право он получил за отменную службу в своем отделе, между тем поговаривали, что и кто-то из старших родственников «порекомендовал» главному комиссару Брандту дать свежее испеченному старшему комиссару W25 новой модели. Плавные линии классического кузова в сочетании с пятисотсильным гибридным мотором удовлетворяли все потребности от эстетических до сугубо прагматических. На утонченном лице заиграла улыбка, пусть дорога займет всего около 20 минут, каждую из них он будет смаковать.

– Коммутатор, старший комиссар Мальтхоф. Передать сообщение доктору Эдвину Эрлиху на все доступные устройства. Сообщение: «Доктор, это Этцель. Заеду узнать детали о вчерашнем убитом. Не начинайте без меня. Буду... скоро».

Сине-серебряный мифический зверь вырвался из темницы поземного гаража, явно превышая скорость. Наглость не была свойственна Этцелю, совсем быстро он укротил своего «буцефала» и вписался в общий поток автомобилей столицы. Империя цвела, цвела и ее столица. После объединения Германии, когда стриженные с русскими ушли, город получил новый стимул для развития. Еще через пару десятков лет Совет достал из запасников планы известного архитектора Шпеера и вместе с тогда набравшими силу «зелеными» опрокинули проект строительства главного железнодорожного вокзала прямо в сердце города. Так и вышло, что дитя злого гения – ось Север-Юг – все-таки обрело жизнь. Конечно, проект не был реализован в первоизданном виде: многие здания были перепрофилированы под актуальные задачи. Мировое сообщество, как и сами немцы с недоверием относились к этой затее, но и к Эйфелевой башне сначала относились тоже не лучшим образом. Сейчас же столичные жители, как и многочисленные туристы, радовались широким тротуарам, нечастому солнцу и зелени Фольксвега. Человеческая память скоротечна: траур и грусть буквально за считанные месяцы сменяются тихой надеждой, а потом и поголовным оптимизмом.

«Вандерер» мягко нес своего водителя мимо бесконечной рекламы и уже открывающихся туристических кафе. В животе предательски заурчало. Мало того, что Этцель сегодня не спал, так еще и медовый раф был не лучшим завтраком. Для эльфийского метаболизма требовалось много калорий. Много больше, чем человеку, но смотреть на мертвое тело сородича на полный желудок было бы кошунством. Вздохнув он свернул после моста через Шпрее на набережную им. Райхпича, а оттуда на Аллею придворного егеря откуда открывался прекрасный вид на Колонну Победы. Этот памятник был его слабостью. Вряд ли кто-то из ныне живущих мог похвастать тем, что принимал непосредственное участие в каждой из объединительных войн Германии, да еще не в штабе при короле Вильгельма Первого, а прямо на передовой. Этцель мог. Повинуясь мимолетному порыву, он сделал дополнительный круг вокруг своей стройной «золотой Эльзы» и помчался дальше в Моабит.

Глава 2

Центр судебной экспертизы переезжал много раз, пока не вернулся на свое исконное место. Комплекс современных зданий, связанных с медициной, сейчас закрывал собой скромное одноэтажное здание. Смерти не к лицу вызывающий вид. Немногие знали, что у здания было несколько подземных этажей-лабораторий и морг, где ожидали своей участи тела представителей разных рас, смерть которых вызвала вопросы у правоохранительных органов. Парковка была прямо у входа и буквально несколько секунд разделяли уют салона машины и холодную стерильность морга. На входе Этцель показал свое удостоверение и без лишних вопросов прошел вниз, в зал для вскрытий, или в Чистилище, как называл это место доктор Эрлих.

В просторном зале, где было несколько «посадочных» мест, свет горел только над телом Онезорга. Убитый был уже омыт и готов ответить на вопрос какой же удар или какая пуля отправила его на Другую Сторону. Возле стола с телом стоял сам доктор, а рядом, горя от нетерпения, шушукалась группа младших научных сотрудников и прочих студентов. Вскрытие эльфа было делом очень редким, и Этцель даже удивился, не встретив здесь более почетных ученых, хотя, может быть, и здесь представители Дома Крупп сделали несколько звонков и посоветовали ученым не приходить на это сомнительное зрелище. Однако шила в мешке не утаишь и совсем приватным делом сделать новость о кончине бессмертного не вышло.

– Доброе утро, доктор Эрлих, – войдя в свет мощной лампы, сказал Этцель. – Дамы и господа.

– Доброе утро, старший комиссар. Мои соболезнования.

– Не стоит, доктор. Погибший был мне не знаком.

– Я думал...

– Нет, доктор. Пусть наше племя не так многочисленно, как людское, но все равно помнить всех невозможно.

– Хм, логично, – Эрлих поправил очки и добавил, – *Vivere tota vita discendum est*³.

– *Assentio*, доктор, именно так. К моему величайшему сожалению, я вынужден отказать вашим коллегам в удовольствии посмотреть на распотрошенного эльфа.

– Комиссар, прошу прощения, но это весьма неординарный случай.

– Доктор, при всем уважении я говорю это не как эльф или представитель Дома. Я говорю это как представитель полиции, расследующий это преступление. Так что, прошу всех, кто не входит в команду доктора Эрлиха удалиться, – перешептывание стало более активным. Медики явно не хотели расходиться. – Если я не совсем понятно выразился, приношу свои извинения. **ВСЕ ВОН ИЛИ Я ВАС АРЕСТУЮ!** – шушуканье вмиг прекратилось, все взгляды были направлены на Эрлиха. Доктор только разочарованно вздохнул: по закону Этцель был прав.

– Дамы и господа, прошу вас покинуть помещение, – шушуканье возобновилось, но группа пришла в движение и направилась в сторону выхода. Когда дверь за ними закрылась, медик попробовал зайти с «другой стороны». – Этцель, мы знаем друг друга не один год. Ты же осознаешь важность аутопсии эльфа. После войны такая возможность была, но технологии оставляли желать лучшего!

– Я понимаю ваше рвение, Эдвин, но, повторяюсь, сейчас я здесь, как полицейский, а не эльф. Поэтому давайте приступим к делу, мне нужна причина смерти, остальную процедуру вы сможете провести без меня.

– Другими словами... – проблеск надежды в голосе.

– Все что я хотел сказать, доктор, я сказал.

³ Век живи, век учись (лат.)

– Да-да. Кхм... приступим. – Это был карт-бланш. Пусть всего на несколько часов, пока сюда не нагрянут другие официальные органы, но у него будет возможность изучить некоторые нюансы эльфийской физиологии.

Когда столь важный вопрос был решен, Эрлих, не теряя лишнего времени, приступил к процедуре, вызывающей у многих почти мистический ужас.

– Компьютер, начинай запись. Шестнадцатое октября две тысячи пятьдесят второго года, восемь часов двадцать семь минут. Вскрытие проводит доктор Эдвин Эрлих. Тело мужского пола, эльфийской расы. Возраст определить невозможно. Приступаю к наружному осмотру...

Этцель оставался в зале еще немногим более получаса, после чего удалился. Причина смерти была установлена: из трех пуль в груди одна пробила правое предсердие и правый желудочек («Странный калибр, точнее скажу позже»). «Всемогущее эльфийское бессмертие», а на деле регенерация клеток, ускоренный метаболизм и отсутствие плейотропных генов, не помогли Онезоргу в борьбе с куском свинца в главном насосе организма. Многочисленные порезы, оставленные ножом или другим режущим предметом («точнее скажу позже, Этцель») были получены во время борьбы и не были смертельны. Судмедэксперта смутило другое обстоятельство. Угол наклона попадания пули в тело и пороховые следы говорили о том, что стрелявший находился близко и одновременно выше жертвы:

– Как будто убитый спокойно сидел, когда в него начали стрелять. Понимаешь, о чем я говорю, Этцель?

– Я понимаю, что вы имеете в виду, доктор, и понимаю, почему вы боитесь это произнести. Судя по всему, Мар-Ямина Онезорга поставили на колени и казнили.

– Это твои слова, Этцель, но я бы под ними подписался.

Вскрытие сдвинуло расследование с мертвой точки. Теперь обычное ограбление можно было вычеркнуть из списка возможных причин преступлений. Вряд ли обычные грабители ввязались в драку с бессмертным, чтобы потом хладнокровно всадить в него три пули. Тут было что-то другое, что-то личное. Женщина? Деньги? Политика? «Кто же ты, Мар-Ямин?» спрашивал себя Этцель, завтракая в медицинской столовой. Есть в такой момент могло кому-то показаться неуместным, но голодный эльф был малоэффективен, если не бесполезен. Яичница с копченым мясом, маринованными огурцами и зеленым салатом насыщали организм и позволяли думать. Еда простолюдинов, сказали бы все его сородичи, ну и пусть. Зато теперь комиссар был готов к длинному дню.

На пути к дому убитого, в то время как его стильный «вандерер» преодолевал километры на юго-запад столицы, Этцель пробил адреса свидетелей и был неприятно удивлен. Свидетели жили в разных районах города и вряд ли принадлежали к одному социальному кругу: Аллея Бисмарка и Аллея Космонавтов – более яркого годонимического противопоставления было бы сложно представить. Первый пункт лежал на западной окраине столицы, второй – на восточной. Однако сейчас юго-запад Берлина – Целендорф, а если быть точнее – Особая Консультационная Зона.

Сразу после Войны Германию разорвали на части народы-победители. Посрамленные и униженные эльфы Великих Династий из числа государств Оси потеряли лицо и были отстранены от влияния на международные процессы. То же произошло и во всем свободном мире. Это был золотой час стриженных и других коммунистов. На волне победы над расовой теорией и ее апологетами они смогли дотянуться до жизненно важных ресурсов вечного племени – Рудных и Каменных гор. Их не волновало, что россыпи желтых алмазов и технология их превращения в желтые бриллианты были утеряны сотни лет назад. Стриженные были уверены, что стоит только овладеть горами, как по взмаху волшебной палочки они смогут возродить производство главного элемента ритуала перерождения.

Успех был более чем скромным. Основные россыпи так и не были найдены, а те небольшие камни, которые годились для шлифовки, пришли в негодность из-за отсутствия правиль-

ной технологии. Даже гномы Гиперборейских Гор не смогли помочь. Неоправданный риск с захватом этих территорий логическим образом привел к конфликту с Новым Светом. Американский Дом, единственный союз бессмертных на североамериканском континенте, в ответ на продвижение стриженных подтолкнул человеческое правительство к размещению американских военных в Берлине.

Когда коммунисты убралась восвояси, американцы не спешили сделать то же самое. Наоборот, американцы обнесли стеной целый район в имперской столице и объявили его Особой Консультационной Зоной. Через Лигу Наций был пробит даже официальный статус этого места. Заокеанские эльфы банально выкупили всю территорию и передали в управление различным фондам и корпорациям. Если до конца холодной войны пилигримы были весьма полезны, на первых порах они помогли стабилизировать Империю и не дали ей дрогнуть под давлением коммунистов, то после все понятнее становились их истинные мотивы. Пилигримы-странники хотели вернуться домой, но не в качестве союзников, а в роли новых начальников. Поговаривали, что глава Американского Дома был изгнан еще в семнадцатом веке одним из крохотных кланов за связь со смертной и это оскорбление он не простил до сих пор. Высокие Дома попытались воспротивиться, но «коммунистическая угроза» никуда не делась и пилигримам было разрешено остаться. В зоне де факто не действовало имперское право. На нескольких КПП, через которые можно было попасть внутрь, проверяли пропуск, дающий право на пребывание.

Вот и сейчас на КПП Сиерра перед автомобилем вырос охранник, чья форма походила на военную форму США, однако это был сотрудник частной охранной фирмы, и об этом знали оба: и Этцель, и охранник.

– Сэр, добрый день! Предъявите пропуск!

– Доброе утро. Старший комиссар Мальтхоф. Поднимите шлагбаум.

– Сэр, у вас встреча назначена на территории консультационной зоны?

– У меня в руках удостоверение полицейского, этого должно хватить. Повторяю, поднимите шлагбаум.

– Увы, сэр. Это частная территория. – Последняя фраза далась охраннику уже не так просто. Он рассмотрел водителя и понял, что перед ним мало того, что полицейский, так еще и бессмертный.

– Поднимите шлагбаум, и я забуду о этом недоразумении, – перешел в наступление Этцель.

– Нне могу, сэр... эм, господин, приказ.

– Неверный ответ. Коммутатор, соединить с...

– Прошу прощения, господин! – перебил, активно замахав руками, человек. – Одну минуту, одну секунду! – Охранник отошел на два метра от машины, приложил руку к уху и затараторил. – Сэр, у нас непредвиденное обстоятельство. На территорию пытается въехать полицейский. Да, нет, сэр, он... бессмертный, сэр. Да-да, я все понял. – Охранник снова повернулся к автомобилю Этцеля и растянул губы в дежурной улыбке. – Можете проезжать, сэр. Хорошего дня!

Охранник больше не пытался встретиться глазами с посетителем, он лишь слегка поклонился и отошел от автомобиля еще на пару шагов, в этот момент шлагбаум бесшумно поднялся, открывая путь внутрь зоны. Этцеля это вполне устраивало, он плавно нажал на педаль газа и пустил свой «вандерер» по гладкой, как зеркало, дороге. Архитектура зоны в корне отличалась от столичной: за сто лет пилигримы перестроили весь район на свой лад. Приземистые, зачастую одноэтажные таунхаусы и бунгало тянулись вдоль дороги, меняясь на офисные здания ближе к пересечению аллеи им. Люсиуса Клея, Берлинерштрассе и улицы Дяди Тома, где высились два небоскреба – символы союза гражданского правительства США и Американского Дома. Честь и хвала, пилигримы. Однако, полицейский не поехал в этом направлении. Ему

нужна была улица с романтическим названием «Пять Новых начал». Фешенебельная колония вилл, в которой селились только самые влиятельные, самые старые и самые лояльные эльфы Нового Света. Об этом он узнал по дороге сквозь кварталы ОКЗ через коммутатор, который связал его со своим кровным братом, единственным из всего Дома, с кем Этцель мог быть полностью откровенным. Даже со всеобщим отцом или Хильдебальдом он должен был держать ухо востро. Бледель был старшим братом Этцеля и помощником архивариуса их Дома. Коммутатор имел в распоряжении интернет, Бледель имел на вооружении кое-что получше – доступ ко всей информации внутри Дома Крупп и в интранет Совета Домов – хранилище знаний эльфов.

– А что по имени, Бледель? Имя Мар-Ямин явно не так часто встречается. Есть что-нибудь на него?

– Тут прости, брат. В системе ничего нет. Марямин – деревня в Сирии, но наших там никогда не было. Онезорг – скорее выдуманная фамилия. Ни Домов, ни Династий, ни даже Кланов Онезоргов нет. Тупик.

– В нашей базе тоже ничего...

– Не удивительно.

– Будем разбираться, спасибо, Бледель.

– Всегда рад помочь, брат. Мы увидимся?

– Наверняка.

– Когда-нибудь.

– Когда-нибудь. Коммутатор, отбой.

Специфика их общения всегда сводилась к взаимному обещанию встретиться без назначения конкретной даты. После Войны Бледель был вынужден проводить основную часть времени в своем скромном жилище или на работе в центральном офисе корпорации, а Этцель, в свою очередь, пытался близости к родственникам избежать. В перспективе бессмертия никто из них не лгал, но оба понимали, что встреча вряд ли будет скорой. Бледель помогал Этцелю в любое время, но не был сторонником либерализации отношений со смертными, и был откровенно против работы Этцеля в полиции. Старший брат не просто так выбрал путь архивариуса: прошлое занимало его куда больше, чем настоящее. Таким образом их временные линии не пересекались.

Искомый дом выглядел как в каталоге жилья для самых богатых. Три этажа, строгие линии, высокие прямоугольные окна – эстетика колониального стиля позапрошлого века, монументальность и простота. Перед домом Этцель увидел вытянутую фигуру бессмертного, праздно отмеряющую шаги у входа в роскошную виллу. Неудивительно, что Американский Дом отреагировал на приезд сородича в ОКЗ, удивительным был уровень осведомленности его представителей. Пилигримы точно знали куда направлялся Мальтхоф и успели направить ему на перехват своего агента. Стройная фигура остановилась, как остановился и автомобиль полицейского. Эльфы обменялись взглядами, и хозяин элегантно пригласил гостя выйти из машины. Этцель сделал это, но не произнес ни слова, направился напрямиком к дому, если пилигриму надо, пусть сам начинает разговор. Долго ждать не пришлось, не удалось даже пройти мимо.

– Доброе утро, прекрасное октябрьское утро Берлина. Могу я вам чем-нибудь помочь? – мягкий голос звучал мелодично, с легким ирландским акцентом.

– Доброе утро. Представьтесь, пожалуйста.

– Конечно, простите мне мое недостойное поведение. Блейр Кильдер, к вашим услугам. Консультант по работе с органами власти Германской Империи.

– Приветствую графа Кильдера, – Этцель решил, что розыгрыш эльфийской карты сможет помочь ему в коммуникации.

– Приветствую Этцеля Мальтхофа, представителя Дома Крупп.

– Вы знаете обо мне больше, чем я о вас, граф.

– Старший Комиссар, – Кильдер улыбнулся. – Давайте оставим эти старомодные титулы. Это часть моей работы – знать о том, кто без приглашения приходит к нам домой.

– Я здесь по делу, консультант Кильдер.

– И это мне известно, Мар-Ямин Онезорг не приехал вчера домой, его коммутатор молчит. С ним что-то случилось. Вы здесь для этого.

– Именно, деталями я с вами поделиться не могу...

– Отчего же? – перебил его пилигрим. – ОКЗ, наш Дом был работодателем Онезорга и мы вправе узнать, что с ним произошло.

– Стало быть, он не был представителем Дома? – Кильдер понял, что сболтнул лишнего, наморщил лоб, но уже через секунду громко, по-американски рассмеялся и поправил свое каре. Пилигриму было навскидку лет триста.

– Онезорг был очень близким другом нашего Дома.

– В таком случае, может быть вы поделитесь информацией. Чем конкретно занимался погибший в ОКЗ? – улыбка медленно сползла с лица консультанта.

– Увы, комиссар. Я и так сказал вам больше, чем стоило.

– Тогда отойдите в сторону, консультант. Не препятствуйте правосудию.

– Я снова вынужден вас огорчить. Эту роскошную виллу господин Онезорг не смог бы себе позволить, даже имея в распоряжении тысячу лет. Вилла принадлежит ОКЗ, и прежде, чем дать вам зайти я предпочел бы увидеть ваш ордер на обыск.

– Это действительно необходимо, господин консультант?

– Да, господин комиссар, и если это все, чем вы хотели заняться в ОКЗ, то я попрошу вас покинуть Целендорф. Хочу напомнить вам, что это частная территория.

– А я представитель закона и нахожусь на задании.

– Как только у вас на руках будет ордер, ОКЗ будет сотрудничать в полной мере.

– Скажите хоть, были ли у Онезорга родственники, чтобы мы могли с ними связаться?

– Боюсь, это конфиденциальная информация. – Окно возможностей закрылось, и перед Этцелем возникла корпоративная стена, преодолеть которую можно было либо с ордером от судьи, либо с резолюцией Дома. «Револьвером и добрым словом можно достичь большего, чем просто добрым словом». Молчаливая сцена затягивалась. Обоим нечего было сказать.

– Всего доброго, консультант Кильдер. До скорой встречи!

– До свидания, комиссар.

В салоне автомобиля Этцель до белых костяшек вцепился в руль. Холодная заносчивость пилигрима выбивала из равновесия. Кильдер юлил и скрывал информацию, не отводя взгляда. Даже если бы у него был ордер на руках, Американский дом и его корпорации раскрыли бы далеко не все карты. Сила пилигримов велика: чтобы заставить их сотрудничать нужно заручиться поддержкой не только всего семейства Крупп, но и представителя Совета. Решение этой проблемы существовало, но требовало немало усилий. Покамест старший комиссар решил последовать совету своей тети и познакомиться со свидетелями, указанными в анкете на ритуал перерождения. Из ОКЗ его проводила фальшивая улыбка охранника. Этцель вернулся из заокеанских территорий в германскую столицу, переехав разделительную линию КПП. Теперь его путь лежал на север.

Расстояние от Целендорфа до аллеи им. Бисмарка в Груневальде было не таким большим – порядка шести километров. Однако, как это часто случалось в Берлине, путь в десять минут перемещал путника из одного мира в другой. Если в Целендорфе Этцель находился в центре современного города США, то в Груневальде эльф совершал небольшое путешествие во времени, на сто–сто пятьдесят лет назад. Здесь не было плотного потока автомобилей, магазинов и кафе. Туристы не жаловали этот район, а туристов – местные жители. В ОКЗ царил дух работы, развития и прагматичных интересов, в Груневальде все было иначе. В конце девятнадцатого столетия лес был выкуплен у прусской короны группой банкиров, где не последнюю

роль играла одна из эльфийских Династий. Это место было куплено не просто богатыми для богатых. Оно было куплено избранными для избранных. О характере этого элитарного общества лучше всего говорил тот факт, что коричневые с маленького вокзала в Груневальде с приходом к власти отправляли на смерть тысячи евреев, а жители этого фешенебельного района, конечно обо всем знали... но молчали. Война, ее бесславное окончание, разделение города и его воссоединение не сменили жизненных установок Груневальда. Это обстоятельство озадачивало Этцеля. Что могло связывать «друга» Американского Дома, чью деятельность свято охранял граф Кильдер, и жителя Груневальда по фамилии Летоу-Форбек? Хотя за свою долгую жизнь комиссар видел и не такое. Объяснение могло быть настолько примитивным, что при выяснении могло бы вызвать широкую улыбку. Теории заговоров никогда не прельщали Этцеля.

– Коммутатор, старший комиссар Мальтхоф. Предоставить справку о Франце Даниэле Летоу-Форбеке.

– Старший комиссар Мальтхоф, полицейский доступ разрешен: «Генерал от инфантерии Франц Даниэль Летоу-Форбек, год рождения не установлен. Активный участник Великой Войны. Был обвинен в военных преступлениях нюрнбергским трибуналом, спустя восемь лет реабилитирован мюнхенским судом. Член упраздненной Династии Летоу-Форбек. Пять зарегистрированных перерождений. Девять детей, четверо еще живы. Все дети находятся на данный момент в Аргентине. Конец справки».

– Исчерпывающе, – произнес Этцель, остановив автомобиль перед въездом на территорию шикарной виллы. Октябрьская пора уже передела листву в желто-красный цвет, и эта палитра максимально органично сочеталась с уходящим величием архитектуры начала двадцатого века. Даже классический круглый фонтан словно напоминал об ушедшем навсегда времени безапелляционного диктата Династий. Дом, явно слишком большой для одного жильца, был тем не менее в идеальном состоянии. Генерал не жалел денег на содержание своего жилища. Портрет же самого генерала вырисовывался весьма однозначный. Консервативный солдафон. «Ладно, и не с такими вели дело».

Въезду на территорию мешал кованый забор. Только у небольшой калитки комиссар увидел переговорное устройство. Небольшой зрачок камеры ожил, как только Этцель нажал кнопку вызова.

– Вилла генерала Летоу-Форбека, – сухой мужской голос мог принадлежать как велико-возрастному эльфу, так и человеку средних лет.

– Старший комиссар Этцель Мальтхоф, – полицейский развернул свое удостоверение и показал в камеру. – У меня несколько вопросов к генералу по поводу его участия в ритуале перерождения некого Мар-Ямина Онезорга, – наступила тишина, которую нарушало только потрескивание старого переговорного устройства.

– Генералу неизвестен господин Онезорг и его Дом. Видимо вы опознались, господин старший комиссар, – теперь уже молчал Этцель: к такому он готов не был.

– У меня на руках официальные документы Ритуальной Комиссии, господин генерал. Ошибки быть не может.

– Может – не может. Такие канцелярские мелочи меня не беспокоят, а теперь прошу меня извинить. Генерала ждут неотложные дела, – короткий звуковой сигнал и померкнувшее око камеры оповестили Этцеля, что разговор был закончен. Первый приступ цитадели был отбит. Очень странно.

Ошибку Ритуальной Комиссии полицейский не брал в расчет, но сделал по этому поводу мысленную насечку. Надо будет посетить этот храм Закона, который чтители уже шесть веков все бессмертные. Генерала же вызовут по повестке, если это будет необходимо. Эльф без защиты Дома был досягаем для официальных органов власти, а значит и для Этцеля. На сегодня остался второй свидетель, который мог бы приоткрыть завесу тайны личности убитого. Пошлая

формулировка пришлась по душе эльфу. Мало в нем осталось от венгерского романтика и стало много от следователя криминальной полиции Берлина. Перед тем как сесть в автомобиль он ухмыльнулся, втянул в легкие прохладный воздух, наполненный ароматами зрелой осени и бросил последний взгляд на виллу генерала. Когда-то он жил в похожем доме. Это было так давно, что даже государства с таким названием уже нельзя было найти на карте Европы. Как жаль, что перерождение не смывает воспоминаний, но делает их тусклыми и блеклыми, как воспоминание о чем-то, что никогда не происходило. Урчание зверя под капотом автомобиля вывело комиссара из тягостных объятий меланхолии. Надо было скорее вырваться из этого временного пузыря.

«Вандерер» мгновенно отозвался на легкое нажатие педали газа и заскользил по узким улицам Груневальда в центр города, на свободу. Произведению инженерного искусства, казалось, тоже было не в радость нахождение вне времени и пространства. Его стихия была скорость, его выгоном был автобан, в том направлении он сейчас и двигался. Малое Берлинское Кольцо или Автобан 10, было младшим собратом Автобана 100 или Большого Берлинского Кольца, построенного еще коричневыми более века назад. По городской автостраде полицейский автомобиль ехал с разрешенной скоростью в 100 километров в час, чего хватило для выветривания хандры из головы Этцеля. Утренние пробки на всех больших берлинских автострадах уже рассосались, и дорога была почти свободна. Тем не менее, дорога на окраину Восточного Берлина должна была занять почти час. Чтобы поездка не была монотонной, водитель прикоснулся к экрану бортового компьютера, выбрал нужный файл. По салону автомобиля полился каприччио Фрескобальди. Эта музыка расправляла крылья за спиной Этцеля. Мелькающие мимо автомобили, здания и вечность органной мелодии создавали интересный, облагораживающий эффект.

– Коммутатор сообщает: «Входящий звонок от комиссара Фогель. Принять звонок?»

– Дьявол! – Этцель был уверен, что Брандт сообщил напарнице о его новом назначении. – Коммутатор, принять звонок.

– Этцель, где тебя носит?

– И тебе доброго утра, Аннализа.

– К черту твою вежливость, напарник! Если через полчаса я не увижу твою лохматую голову в кабинете, я отстригу твои патлы! – от этой шуточной угрозы у эльфа по спине пробежали мурашки, но он понял к чему клонит его напарник.

– Аннализа, я не проспал.

– Тогда... где тебя носит?

– Новое задание.

– Звучит интригующе. Почему не дождался меня?

– Прости, Аннализа. Дело касается самого верха, кейс засекречен.

– То есть даже от меня?

– Увы, но да.

– Кто же будет прикрывать твою... спину? – ах эти берлинцы с их знаменитой грубоватой прямоотой.

– Отращу себе глаза на затылке, – отшутился Этцель, хотя всерьез не задумывался об этом. Кто бы ни стоял за убийством, насильственная смерть бессмертного несла за собой гарантированный гнев Совета Высоких Домов, а стало быть и жесткий приговор в конце. Однако кто-то решился на это, и этот кто-то был еще на свободе. Стало быть, и для самоуверенности эльфа в полицейской форме не было оснований.

– Я серьезно, Этцель. Если дело пахнет жареным, то я должна знать, – из голоса напарницы исчезли игривые нотки.

– Не могу, Аннализа, извини.

– Черт, не хочешь ли ты сказать, что это касается Домов?

- Аннализа...
- Это касается Домов.
- Аннализа...
- Чертовы Дома с их тайнами.
- Аннализа, ты начинаешь говорить, как моя бывшая.
- Умная женщина. Ладно, что ты предлагаешь? Заниматься другими делами?
- Займись оборотной стороной нашей замечательной профессией.
- Отчеты?
- Они самые, всего пару дней, пока я не разберусь с этим делом.
- Ты режешь без ножа, – навыки офисной работы не были сильной стороной Аннализы.
- Все лучше, чем оказаться без прикрытия в трудный момент.
- Чтоб тебя, остроухий, – только напарница могла звать его так без угрозы получить по физиономии вне зависимости от пола и возраста.
- Не печалься, на наш век еще хватит мерзавцев.
- На твой точно. Коммутатор, отбой.

Было понятно, что напарнице такое развитие событий было не по душе. За последние пять лет каждодневной работы между ними появилась устойчивая связь, которую при желании можно было назвать дружбой. Этцель научился уважать смелую, отчаянную и местами даже безбашенную напарницу. Аннализа смогла пересилить себя и посмотреть на Этцеля как на равного себе, а в сегодняшних реалиях это много стоило. Поэтому, нарушая эту хрупкую связь, эльф рисковал нарваться через пару дней на холодную стену недоверия со стороны Аннализы. Чем быстрее он разберется с этим убийством, тем меньше будет ущерб его отношениям с напарницей. Невольно комиссар придавил педаль газа.

После Нойкёльна архитектура за бортом автомобиля начала меняться. Восточный Берлин четко обозначал свои границы. Коммунисты коренным образом изменили образ востока столицы. После Войны все, что нельзя было восстановить, сносилось. Разрушалось и все то, что не подходило новым идеологическим догмам. Все плохое и хорошее, что оставалось от старой империи было уничтожено, а его место заняли целые когорты безликих многоэтажек, шлакоблочных клубов, а также тянущихся на восток, широких проспектов и транспортных артерий. Этцелю была нужна как раз одна из таких магистралей – Аллея Космонавтов. Названная в честь совместного полета в космос советского и восточногерманского пилотов семьдесят пять лет назад.

Несмотря на весьма либеральное отношение к смертным, эльфу было сложно понять человеческую природу. Людям всегда было мало того, что они имели. Всегда было мало земли, которой они владели, знаний, которыми они обладали; младшие дети земли завоевывали, забирали и продолжали рваться вперед, расширяя свое жизненное пространство. Столетие назад, когда вся планета оказалась под их пятой, люди не пожелали мириться с этим и полетели в космос. Сколь политизированным и идеологически накаченным этот шаг ни был, полет в космос был знамением начала конца эпохи эльфов. Пусть перед бессмертными пасовало само время, они довольствовались своим домом. Они любили его и не стремились покинуть родную гавань.

– Коммутатор, старший комиссар Мальтхоф. Предоставить справку о Габриэле Адлере.

– Старший комиссар Мальтхоф, полицейский доступ разрешен: «Габриэль Адлер год рождения 1817. Участник Великой войны. Ведущий IT-разработчик корпорации Цузе. Член клуба «Отринувшие». Трое детей, все погибли во время Великой войны. Два зарегистрированных перерождения. Конец справки». – Название клуба полицейскому ничего не говорило. Может быть, какая-то зацепка?

– Коммутатор, старший комиссар Мальтхоф. Предоставить справку о клубе «Отринувшие».

– Старший комиссар Мальтхоф, полицейский доступ разрешен: «Клуб «Отринувшие»: Регистрационный номер 103973 от 01.01.1976 г. Устав одобрен регистрационной палатой Берлина. Согласно уставу, клуб ведет просветительскую деятельность среди бессмертных. Конец справки».

– Интересно, – проговорил Этцель, сбрасывая скорость рядом с двадцатичетырехэтажным муравейником. Эльфы обыкновенно сторонились таких многоквартирных домов. Во многовековой культуре эльфов отдельное жилье было особым пунктом. Едва получив возможность, молодой эльф старался построить, купить или на худой конец арендовать отдельный дом с участком. После принятия Закона Дракона, ввиду стремительного роста популяции стремление жить отдельно превратилось в непростую задачу, а с ростом популяции людей и вовсе стало почти исключительной возможностью для членов Кланов, Династий и Домов. Несмотря на это, мало какой эльф поселился бы в доме вроде того, перед которым стоял полицейский. После объединения, империя постаралась очиститься от короткого, но весомого присутствия коммунистов. Люди, эльфы и даже гномы ремонтировали, красили, убирали, сносили, но все равно дух типовой индустриальной застройки был неистребим. Рядом с входной дверью Этцель беспомощно уставился на огромный щит домофона с сотней различных имен. Острые эльфийские глаза не помогли найти нужное имя сразу, Этцелю пришлось провести пальцем по строкам с именами. Весь мир на ладони – славяне, арабы, азиаты, немцы. Здесь были все. Лишь на семнадцатой строчке комиссар нашел искомое имя и нажал на круглую металлическую кнопку вызова. Несколько секунд спустя раздался заспанный голос:

– Да?

– Господин Адлер?

– Да, это почта?

– Нет, господин Адлер, это криминальная полиция Берлина. Старший комиссар Мальтхоф. Могу я зайти?

– Что? Э, да, конечно, – замок тяжелой металлической двери щелкнул, приглашая Этцеля внутрь.

Микроскопический холл вызвал у эльфа легкий приступ клаустрофобии. Будь потолок на пару сантиметров ниже, эльфу пришлось бы пригнуться. Увидев кабину лифта, Этцель даже подумал подняться по лестнице, но семнадцатизэтажный подъем не стоял в плане сегодняшней тренировки. Полминуты небольшого унижения можно было и перенести.

На нужном этаже комиссар окинул взглядом ряд дверей, лишь одна из которых была немного приоткрыта. Там-то и жил Адлер. Этцель подошел к двери и занес руку, чтобы постучать, но дверь раскрылась словно хозяин квартиры стоял за ней и наблюдал за пришедшим в глазок.

– Доброе утро, господин Мальтхоф! Чем я могу вам помочь? – старший комиссар на несколько мгновений потерял дар речи. Перед ним стоял однозначно человек. Пусть он был высокого роста, но коротко остриженные волосы, круглое лицо, а самое главное, обыкновенные закругленные уши ставили на возможности быть данному гуманоиду эльфом жирный крест.

– Доброе утро. Мне нужен Габриэль Адлер.

– Он перед вами, – глядя прямо в глаза полицейскому, заявил человек. Кража личности стала весьма распространенным преступлением за океаном, они происходили и на территории империи, однако красть личность бессмертного было со всех точек зрения невидимо.

– По-видимому, произошла какая-то ошибка. Господин, прошу вас предъявить ваши документы. – в эту секунду Этцель пожалел, что не взял утром свой табельный глок.

– Господин полицейский, никакой ошибки нет...

– Ваши документы!

– Хорошо-хорошо! Секунду! – человек повернулся боком и начал шарить по карманам висящей за дверью куртки.

– Медленно! – Этцель предупреждающе выкинул одну руку вперед, а другую засунул под куртку, якобы доставая свой пистолет. Он блефовал, но другой идеи ему сейчас в голову не пришло. – Очень медленно, – добавил он тихим голосом, с нотками угрозы.

– Иисус Всемогуший, да у вас с нервами не в порядке. Смотрите, я медленно достаю свое портмоне, – держа двумя пальцами «Адлер», показал из-за двери кошелек из черной кожи.

– Отлично, теперь покажите ваше удостоверение.

– Да, пожалуйста, – мужчина снова сделал рывок, но предостерегающий взгляд Этцеля снизил скорость движения до минимальной. – Вот, прошу. – Комиссар взял кусочек многослойного пластика. Информация на нем соответствовала данным, полученным по комму-татору. Та же ахиня, тот же бред.

– Господин Адлер, не понимаю...

– Прошу вас, господин Мальтхоф. Зайдите в мою скромную обитель, я вам все объясню. – Адлер увидел растерянность полицейского и разрешил себе небольшую улыбку. – Я правда все объясню.

Адлер плавным движением пригласил Этцеля войти. Это движение, мягкое и одновременно уверенное не ускользнуло от эльфа. Немногие из людей имели такую пластику. Что-то здесь было не так.

– Чай, кофе?

– Господин, Адлер, давайте не усложнять ситуацию. По моим данным вы бессмертный, однако...

– Однако выгляжу как смертный. Понимаю. Чтобы снять главный вопрос я попрошу вас посмотреть на это. – Адлер показал на одну фотографию, висящую на стене. На ней был изображен эльф в военной форме со своим конем.

– Первая конная дивизия?

– Почти, это первая конная бригада, до переименования. На фотографии я, господин полицейский. – Этцель был готов согласиться, что определенное сходство присутствовало, но этого было мало.

– Фотографию можно и подделать.

– Лицо можно тоже подделать, – Адлер ухмыльнулся.

– Не совсем понимаю.

– Не удивлен! – хозяин квартиры отошел от Этцеля на пару шагов, чтобы полицейский смог осмотреть его в полный рост. – Перед вами произведение искусства, дорогой комиссар, – мужчина раскинул руки, подставляя себя все еще недоуменному взгляду Этцеля. Извращенный эксгибиционизм момента искривил губы комиссара. Он знал, что среди людей было немало подростков и молодежи, которые под влиянием времени и моды приклеивали себе уши, утончали линии лица или обеляли кожу, но... чтобы процесс был обернут вспять, с этим он сталкивался впервые. Вне всяких сомнений это было отвратительно, однако, не делало из... этого создания подозреваемого.

– Господин Адлер, правильно ли я вас понимаю, что вы намеренно подвергли себя нескольким пластическим операциям для приобретения вида человека?

– О нет, это были не просто операции. Это было освобождение от гнусных обязательств, что налагает на нас так называемое бессмертие, – речь Адлера начала меняться, легкость и звучность исчезли. Мальтхоф напрягся.

– Это ваше решение, Адлер. Вы остригли волосы, можно ли считать это политическим протестом?

– Да что вы заладили с вашим прогнившим мироустройством?! Нет, это не политический жест. Это Перерождение в том смысле, которое было заложено Советом в 1473 году! Однократное, одномоментное и вечное! Поверьте, старший комиссар, такое, только такое перерождение даст вам свободу! – в глазах Адлера вспыхнул огонь, знакомый полицейскому. С таким

же огнем в глазах его братья и сестры рвались в бой где-нибудь под Верденом или Москвой. Такой огонь был отличительной чертой фанатика, лишённого своей собственной воли, готового отдать свою жизнь по прихоти своих вождей. Пренеприятное, пусть и будоражащее зрелище. Нужно будет присмотреться к клубу «Отринувшие» поближе, что за просветительскую деятельность он ведет. Сейчас же он должен был узнать, что связывает Адлера и Онезорга.

– Хорошо, пусть так, Адлер. Вы меня убедили в том, что вы именно тот, кто мне нужен. Давайте вернемся к причине моего прихода. Знаете ли вы Мар-Ямина Онезорга?

– Что-что, простите? – имя убитого вырвало человека-эльфа из его сумбурных иллюзий.

– Мар-Ямин Онезорг. Вы знали его?

– Эм, а в какой связи?

– Это имеет значение?

– Нет, конечно, нет, – свидетель снова обрел образ скромного жителя окраины столицы империи. – Да, мы знакомы Ямином. Он несколько раз приходил на собрания нашего клуба и был недалек от вступления в наши ряды.

– Когда вы в последний раз его видели?

– Дайте припомнить, думаю около двух недель назад. Мы как раз говорили о свободе воли. Да, совершенно так. А что с ним случилось?

– Ничего особенного, – на лету соврал Этцель. – Он вписал ваше имя в бланке на пере рождение в качестве свидетеля. Вот мы и проверяем.

– С каких пор этим занимается криминальная полиция?

– Скажем так, я здесь не только в качестве представителя правопорядка. Ритуальная Комиссия и Совет попросили меня кое-что проверить.

– А... понимаю... Они считают, что таким, как я, нельзя доверять?! Так передайте вашим хозяевам на Кёнигплатц, что я буду все девять месяцев находиться рядом с Ямином, если таково его желание! А теперь, будьте любезны, оставьте меня в покое! Как только придет официальное обращение от Ритуальной Комиссии, не извольте беспокоиться, я прибуду в нужное место в урочный час.

«Стало быть, ты так же знаком с Онезоргом, как и генерал Летоу-Форбек. Опять пустышка». Дальнейший расспрос не имел сейчас приоритета. Кажется, и эта ниточка вела в никуда.

– Благодарю за сотрудничество, господин Адлер, – полуэльф проводил полицейского до двери, где, распахнув ее, замер, ни произнеся больше ни слова. На выходе Этцель, проходя мимо живой статуи наконец смог различить на завитке уха небольшие следы лазера. Тонкие полосы, которые при других обстоятельствах, например, при наличии более широкого коридора или дверного проема, остались бы просто незамеченными даже для острого взгляда эльфа. Теперь комиссар убедился: это действительно был Габриэль Адлер и он был безумен.

На лестничной площадке у лифта к ожидающему кабины комиссару подошел человек средних лет ничем непримечательной внешности.

– Добрый день.

– Добрый день, – в кабину человек вошел первым и таким образом оказался позади полицейского.

– Это честь для нас, что сильные мира сего посетили нашу скромную обитель, – голос человека звучал приторно сладко.

– Отчего же? Мой род с вашим издревле живут вместе, а после Войны и вовсе стали гражданами одного государства. Времена меняются, – человек неприятно хихикнул.

– Ваша правда, милорд! Времена меняются и этому нельзя не радоваться, – двери лифта расплзлись в стороны, Этцель и человек направились к двери наружу. Станный разговор насторожил полицейского, и он решил присмотреться к своему визави. Распахнув дверь,

Этцель вышел на улицу, где живое солнце давало значительно больше света, чем светодиодные свечи и придержал дверь для шедшего за ним.

– Ох, благодарю, право не стоило, – человек засеменял к проему. Несмотря на поспешность этих неловких действий Этцель мог поклясться, что успел заметить на ушах выходившего те же полосы, что у Адлера. «Az istenit!»⁴ пронеслось в голове полицейского. – Всего хорошего, господин полицейский!

– И вам... – задумчиво произнес комиссар. Сев в автомобиль, он не сразу тронулся с места. Было уже около полудня, а он не знал ровным счетом ничего. Ни кем был сам Мар-Ямин, ни кем были свидетели, ни почему кто-то решил убить его, ни почему это произошло в Шарлоттенбурге... хотя последним вопросом он еще не задавался. Возможно, стоило не прислушиваться к Альбрун, а делать все по учебнику. Этцель снова выругался. Пятьсот лет жизни и три десятилетия стажа в полиции, а он, как юнец, делал то, что ему говорил Совет! Надо было незамедлительно ехать на место убийства! Шины «вандерера» взвизгнули от резкого старта автомобиля. Сине-серебряный луч устремился на юго-запад.

⁴ Черт возьми! (венг.)

Глава 3

Этцель был так зол на самого себя, что не заметил, как пересек весь город. Только нейтральный голос коммутатора сообщил, что цель пути была достигнута. Найти парковку на Кантштрассе в полдень было непростой задачей. Круммештрассе была тоже забита под завязку. Кружа по кварталу, полицейский с горечью заметил, что по большому счету он, конечно, опоздал. Место преступления еще можно было распознать, но ленты оцепления были сорваны, а все возможные следы были смыты дождем, аккуратно убраны радивыми дворниками или стерты вечно спешащими берлинцами – ни о каких «свежих следах» говорить не приходилось. С другой стороны, вчера у полиции был целый час, прежде чем Совет заморозил расследование. На встрече сегодня утром и Брандт и Штайф говорили об этом! Этцель остановил машину вторым рядом на оживленной улице и включил аварийные огни – весьма распространенная практика в Берлине.

– Коммутатор, соединить с главой первого отделения криминальной полиции Брандтом. Статус вызова красный. – Увидев, кто звонит, и статус, старик скорее всего ответит. По крайней мере, полицейский на это рассчитывал.

– Брандт, – в салоне автомобиля словно повеяло холодом.

– Господин первый старший комиссар, это Этцель.

– Ну...

– Кхм, господин Брандт. Я сейчас нахожусь на месте преступления, здесь по понятным причинам искать нечего, однако, вчера вы одним из первых оказались здесь. Не могли бы вы рассказать, как это все вчера выглядело? Каждая деталь мне бы очень пригодилась.

– Этцель, ради этого ты звонишь?! Я думал все инструкции и необходимую информацию ты получил утром, – неожиданный холод в голосе старшего офицера постепенно переходил в жгучую выюгу.

– Господин Брандт, мои поиски пока ничего не дали, и я решил, что вы можете поделиться...

– Я не помню! Был поздний вечер! Меня практически вырвали из кровати, ради... ради одного трупа, – у него едва не вырвалось «остроухий» и Этцель это понял. Альбрун и Хильдебальд умели быть дипломатами, но сегодня утром они, видимо, показали свою обратную сторону. Комиссар не мог знать, что точно они говорили, но стало ясно, что на своих коллег в этом деле он не мог положиться, и, само собой, это была устная, нигде не зафиксированная «рекомендация». В будущем от этого будет сложно отмыться, но сейчас ему нужна была информация.

– Господин первый старший комиссар, я понимаю. Могу я хотя бы узнать имя офицера, первым приехавшего на место преступления. Я бы поговорил бы с ним в неформальной обстановке... без лишних глаз.

– Черта лысого ты понимаешь! Имя можешь спросить у нас в диспетчерской, но... – человек в здании на Цёргибельплатц замолчал на несколько долгих секунд, а затем выпалил. – Короче, Этцель, ты в этом деле сам по себе. Удостоверение и глок – твоя защита на следующие несколько дней. Отчеты посылай по почте. Коммутатор, отбой.

«Черт бы побрал этот Совет! Аннализа была пусть и вспылчивой натурой, но зрела, что называется, в корень. Черт бы побрал эти Совет и Дома с их тайнами!» Этцель снова переминал в кармане куртки пачку сигарет. На этот раз дело зашло даже немного дальше, он положил на свои тонкие губы злодейку с фильтром. Табак не действовал на эльфов. Их ускоренный метаболизм и регенерация клеток сглаживали эффект от приема этого яда настолько, что его можно было просто не заметить. Привычку курить Этцель получил еще на Войне – в прокуренных кабинетах штаба, где дым пах шоколадом, и на передовой, где дым «Экштайна» резал

глаза и драл горло. Многие из его сородичей изначально отвергли эту пагубную для людей привычку и нарочито выходили из комнаты, едва завидев табак. Особое отношение к людям практически вынудило тогда Этцеля закурить. Тогда курение было де факто моментом определения «свой-чужой»: закурил – присаживайся ко всем, поговорим; отказался от протянутой сигареты – извини, у нас «своя песочница». С тех пор Этцель и привык в серьезных ситуациях курить, просто так, чтобы дать себе пять минут на раздумье. Но курение вышло из моды еще лет пятьдесят назад, пахнуть табаком стало даже среди людей «не комильфо». Этцель вытащил изо рта сигарету, потеребил ее в руках и засунул обратно в пачку. «Информации – ноль, поддержки – ноль, а в спину как всегда нежно дышит Дом, а, может, и весь Совет...» Положение было действительно не сильно обнадеживающим. В этот момент, одна из машин, запаркованных по правилам в метрах двадцати от полицейского автомобиля, выехала на проезжую часть и отправилась по своим делам. Этцель на автомате, даже на инстинкте завел мотор и рванул на освободившееся место. Маленький успех унес надвигающуюся тревогу.

Этцель вышел из машины и решил осмотреться. Для успокоения души он все-таки прошел мимо места, где отправился на Обратную Сторону Онезорг. Обычная подворотня, где под ограбление мог попасть каждый. Однако Онезорг не был «каждым». Судя по фотографии, он не скрывал своих отличительных черт: длинные русые волосы были скручены в косу, а острые уши были даже немного больше, чем обычно. Был капюшон, но в пылу драки он слетел. Просмотреть отличительные черты было невозможно. Так что, предположение, высказанное судмедэкспертом этим утром, подтверждалось – убийство было не случайным. С другой стороны, многое указывало на то, что убийство было спонтанным, ведь в округе была куча магазинов и кафе, а стало быть, и свидетелей. Вполне возможно, что нападавшие не ожидали от жертвы активной защиты и им пришлось применить силу, а когда они поняли, что переусердствовали, решили убить Онезорга. Старший Комиссар стоял у оживленного перекрестка и с удовлетворением заметил, что шанс найти что-нибудь стоящее был высок. Бессмертные всегда притягивали на себя внимание, остроухий полицейский знал это по себе.

Практически по всей длине Кантштрассе первые этажи зданий были отданы под кафе и магазины. Для разговора по душам сейчас было лучшее время: туристы еще спуют по достопримечательностям, а обычным берлинцам еще далеко до конца рабочего дня. Уже в первом магазине продавец припомнил и Онезорга и примерное время, когда было совершено нападение. Незадолго до закрытия магазинов, то есть между половиной десятого и десятую часами вечера на улице появилась высокая фигура:

– Господин комиссар, как же не помнить. Я до этого остро... я таких как вы только в сети и видел. Высокий, красивый, он шел со стороны Кайзер-Фридрих-Штрассе, ну, или откуда-то оттуда...

– Да-да, я как раз делал бухгалтерию за сегодня. Клиенты уже не заходили, и я подсчитывал прибыль, когда мимо прошла высокая фигура.

– Вид у него был какой-то отстраненный, он никуда не смотрел, ни на кого не обращал внимания.

– Я его еще пытался пригласить к нам в ресторан, предлагал ему вечернюю скидку в сорок процентов, но он словно и не слышал меня. Шел как робот по своим делам.

– Ну прошел и прошел. Я отслужил в войсках обороны Империи много лет, господин комиссар, и насмотрелся на ваш род. Он был не хуже и не лучше тех, с кем я повстречался на своем веку. Вот потом, минут через пятнадцать, когда я закрывал свою витрину на железные жалюзи, тогда-то и приехали ваши коллеги.

– Начался какой-то кошмар! Полиции машин пять, скорая... Крики какой-то женщины. Черт его знает что! Что? Нет, я не знаю кто точно кричал, может мне послышалось, но одно я вам скажу, комиссар, когда мой магазин грабили в прошлом году, приехал один «Фольксваген», а тут такие шишки понаехали, я даже остался посмотреть.

– Я же уже вчера все рассказал. Ну да, оцепили, стали опрашивать. Я все честно вчера рассказал и сегодня вот вам говорю. Нет, куда эльф шел, я не знаю.

Разговоры с продавцами и официантами сплетали определенный узор, который помог понять Этцелю откуда и куда передвигался Онезорг. Также от обратного комиссар смог выяснить, что убийцы скорее всего использовали глушитель, потому что никто из опрашиваемых не мог вспомнить ничего похожего на выстрел. За два с лишним часа он обошел практически все лавки в квартале и даже успел немного перекусить. «Война войной, а обед по расписанию», – гласила вселенская мудрость. К тому же вид жующего эльфа зачастую мог перекинуть мостик между расами и развязывал язык терявшим самообладание смертным.

– У вас прекрасный джюром, Мохаммед! Клянусь, что лучшего я не ел за все пятьсот лет своей жизни, – такой масляный комплимент был истинной правдой. Этцель ел завернутое в лаваш рубленое мясо с салатом и соусом впервые.

– Очень приятно слышать, старший комиссар! Заходите к нам почаще! Может быть, чаю?

– Ну как я могу отказать после такой трапезы? – хозяин маленького кафе расплылся в улыбке и убежал в подсобку, чтобы приготовить дорогому гостю домашний чай так, как заваривали его предки. Не каждый день к нему приходили эльфы, да что лукавить – это был первый бессмертный клиент в его судьбе.

– Благодарю за прием, Мохаммед! Напоследок я хотел спросить у вас насчет вчерашнего... ммм инцидента. Вы случайно не видели вчера моего сородича и куда он направлялся?

– О, приношу вам свои соболезнования. Да, я видел его. Я запомнил его потому, что он перешел дорогу как раз у моих столиков. Не стал идти до перекреста, а рванул на ту сторону, будто увидел знакомого или просто увидел что-то. Прямо на ту сторону. Видите? Да, там, где ювелирный магазин. А дальше уже темно было, и я не знаю, куда он пошел дальше, – Этцель посмотрел на бледную вывеску маленькой ювелирной лавки.

– Спасибо, Мохаммед. Успеха тебе! – комиссар положил на столик купюру в двадцать гульденов и уже собирался выходить, когда хозяин позвал его.

– Господин комиссар, не сочтите за дерзость, могу ли я вас сфотографировать для нашей доски известных посетителей? – такое отношение очаровало полицейского. Он виновато улыбнулся.

– Не при параде я, уважаемый, да и при исполнении. Но в следующий раз, я обещаю, мы это сделаем. – Мягкий отказ, кажется, не сильно огорчил человека с коммутатором в руках.

– Договорились, господин комиссар! Найдите этих бандитов!

– Обязательно! – крикнул Этцель уже перебегая дорогу, как это вчера сделал Мар-Ямин.

– Доброго дня! – звонкий голос полицейского несколько раз отразился от стеклянных витрин пустого торгового зала. Только в углу за стойкой стоял невысокого роста человек, который испугано поднял глаза на высокую фигуру посетителя.

– Ох! – выдохнул ювелир. У него забегали глаза, то ли ища поддержки, то ли осматривая нет ли ничего, что могло бы его скомпрометировать. – Прошу прощения! Добрый день!

– Старший комиссар Мальтхоф. С кем я имею честь? – увидев замешательство ювелира, Этцель внутренне обрадовался. «Кажется, я по адресу».

– А... старший комиссар, полиция. – У ювелира зримо свалился камень с души. Он свел руки на груди и напустил на себя мину страшно занятого человека.

– Криминальная полиция Берлина. А вы?

– Максимилиан Беккер.

– Вы хозяин этого магазина?

– Да. Чем могу служить?

– Хм. Я по поводу вчерашнего преступления. Вы можете припомнить какие-нибудь детали?

– Простите, а о каком преступлении идет речь? Мы живем в опасное время и в весьма опасном месте.

– Полиция делает все возможное, господин Беккер. Вчера недалеко от вашего магазина был убит эльф, есть свидетели, утверждающие, что убитый шел по направлению к вашему салону.

– Ах вы об этом! Как я мог забыть?!

«Ну да, у тебя здесь каждый день бессмертные закупаются» – подумал Этцель. Ювелир ему не понравился: в отличие от других местных Беккер показался ему дельцом, ведущим свои дела не всегда честным образом.

– Мне нужны записи ваших видеокамер. Я видел одну прямо перед входом.

– Дорогой комиссар, эта безделушка никого не снимает. Это муляж. Для отпугивания шантрапы.

– Не самое разумное решение, господин Беккер. Другие магазины в вашем квартале даже металлические жалюзи устанавливают на витрины, а вы столь легкомысленно относитесь к вашему товару.

– Что вы, что вы! – запричитал ювелир. – Я в этом бизнесе уже не один год. Все застраховано, да и люди меньше напрягаются, если не видят особых мер безопасности. Ни к чему это.

– А как же муляж?

– Это от детей с краской, не более того.

– Допустим, – согласился старший комиссар, хотя все его существо говорило о том, что ювелир юлит. – Вы беседовали вчера с представителями полиции после происшествия?

– Э-э-э... нет. Я, конечно, видел все эти огни и полицейские машины, но никто ко мне заходил, – от места убийства до ювелирного магазина было рукой подать. Поверить в слова сухощавого берлинца было сложно.

– Тогда это сделаю я. Зашел ли убитый в ваш салон?

– Э-э-э... да, – Беккер явно подбирал слова.

– Был ли он как-то взволнован или вёл себя как-то странно? Можете описать эмоциональное состояние?

– Да как сказать. Ваш род отличается весьма скупой мимикой, не мне вам говорить. Зашёл спокойно, не озирался. Вёл себя прилично, не высокомерно, даже назвал меня «уважаемый».

– Хорошо, а за чем он пришёл? Почему именно к вам?

– Ну, я не претендую на славу ювелирных магазинов Ван Клифа, но мой магазин весьма известен у нас в городе, – пустая бравада дельца не возымела никакого действия.

– Хорошо, тогда спрошу конкретнее. Приобрел ли убитый что-нибудь в вашем салоне. Поймите правильно, если да, то вполне возможно, что именно это и стало причиной убийства.

– Как вам сказать, высокий господин пришел, чтобы приобрести желтый бриллиант, но у меня их сейчас нет... – Этцель напрягся.

– Простите, что вы сказали? Желтый бриллиант?

– Да, он предоставил мне все документы от Ритуальной Комиссии, но, как я уже сказал, камней у меня сейчас нет. Их необходимо заказывать. Вы же знаете, какой сейчас дефицит на рынке.

Это обстоятельство, действительно было известно полицейскому. После утери Рудных и Каменных Гор в Европе желтые бриллианты стали большой редкостью. Только Высокие Дома, имея долгую историю и соответствующее состояние, имели достаточно камней, чтобы продолжать род и не нарушать Закон. Те же, кто был лишен всех прелестей членства в Доме, были предоставлены сами себе и были вынуждены искать камни сами. Оборот камней опосредованно курировался Ритуальной Комиссией, но свободный рынок диктовал свои условия и бес-

смертные не чинили здесь лишних проблем для себе подобных. Этим и пользовались ювелиры, приторговывая контрафактным товаром из других частей света.

– Мне известно, что недобросовестные торговцы торгуют бриллиантами из-под полы.

– Поверьте, господин полицейский. Мой ювелирный магазин торгует только официальным товаром.

– Тогда почему убитый шел сюда целенаправленно?

– Откуда мне знать?

– У меня с десяток свидетелей, которые подтвердят, что эльф шел именно к вам.

– Я повторяю, мне это неизвестно. Если у вас на этом все, я, пожалуй, продолжу свою работу.

– Сдается мне, что сюда он шел, зная, что здесь он сможет получить желтый бриллиант. – Этцель подошел к ювелиру настолько близко, насколько позволяла разделяющая двух мужчин витрина.

– У вас на руках ничего нет, старший комиссар. Вы ничего не можете доказать.

– Как представитель закона – нет, – эльф хищно улыбнулся, он не любил пользоваться инструментарием бессмертного, но этого ювелира, кажется, иначе было не прижать. – Я действительно не могу доказать, что вы причастны к нелегальной торговле, но как у представителя Дома Крупп, у меня есть сомнения в честном ведении бизнеса и после одного моего звонка сюда нагрянут наши независимые аудиторы на предмет проверки вашего магазина.

– Не у одного тебя есть друзья, остроухий! Ничего мне не будет, – маски были сброшены. В пустом зале стояла звенящая тишина. Этцель был удивлен таким развитием событий, но сумел не подать виду.

– Да хоть бы ты подтирал зад главе Совета, смертный! Это битва, которую тебе не выиграть! – несмотря на громкие слова, ситуация была патовой. Этцель, действительно, рано или поздно задавил бы выскочку, но на это могло уйти слишком много времени, а этого полицейский не мог себе позволить. – Слушай сюда, Беккер, мне все равно, что там у тебя в сейфе и как ты ведешь свои дела. Единственное, что мне нужно знать, эльф ушел вчера отсюда с камнем или без? – ювелир задумался. Несколько секунд он разглядывал точеное лицо полицейского.

– Один камень, огранка и размер для ритуала. Когда он выходил, он был жив и здоров, – спокойным голосом произнес Беккер.

– Это все, что мне нужно было знать, – Этцель развернулся на пятках и уже через плечо бросил: «Доброго дня, господин Беккер».

– Доброго дня, старший комиссар Мальтхоф, – не оставшись в долгу, ответил ювелир. У обоих вонзились в память портреты друг друга. Полицейский и ювелир приобрели сегодня по новому врагу.

Несмотря на перепалку, Этцель был окрылён прорывом в деле. Наконец, у него появилась деталь, необходимая для построения дела. Итак, Онезорг приезжает из Целендорфа в Шарлоттенбург вчера ближе к вечеру, вполне вероятно после работы, и покупает здесь контрабандный желтый бриллиант; его принимают или сразу на выходе или по дороге к транспортному средству. Не пешком же он шёл?! Хотя сам Этцель и практиковал многочасовые прогулки, вряд ли кто-то еще из эльфов настолько любил этот город. Оставался, конечно, еще общественный транспорт. Здесь недалеко была станция метро, но повстречать бессмертного в метро было почти так же невозможно, как и увидеть остроухого в угольном забое. Где-то неподалеку стоял автомобиль или на худой конец мотоцикл Онезорга. Предпочтительнее был автомобиль, ведь там могли храниться дополнительные улики. Однако, найти стального друга убитого без опознавательных знаков было делом гиблым. Шарлоттенбург – место густонаселенное, даром Этцель так долго искал парковку. Скорее всего Онезорг поэтому попался на глаза местным жителям, он сам припарковался где-то, возможно, даже в нескольких кварталах отсюда. Комиссар негромко шелкнул пальцами для активации переговорного устройства у себя в ухе.

– Коммутатор, старший комиссар Мальтхоф. Предоставить справку о личном транспорте Мар-Ямина Онезорга.

– Старший комиссар Мальтхоф, полицейский доступ разрешён. На имя Мар-Ямина Онезорга не зарегистрировано ни одного транспортного средства. Конец справки.

Этому поверить комиссар не мог. Он дошёл до своего автомобиля, где ему думалось лучше всего. Что-то подсказывало ему, что Онезорг добрался до Шарлоттенбурга на машине. Такси или частных извозчиков он исключил. Это было не в духе бессмертных, хотя и стоило бы отправить запрос, на всякий случай. Откуда еще мог появиться незарегистрированный автомобиль? Взгляд эльфа пролежал по приборной панели, на которой тут и там бросались в глаза фирменные цвета Берлинской полиции – серебро и небесно-голубой... Ну черт возьми! Конечно! Онезорг мог воспользоваться услугами гаража своего работодателя, а именно ОКЗ! Радость от озарения сменилась на горечь от воспоминаний о разговоре с Кильдером. Вопрос с осмотром дома убитого можно было решить, но нельзя сказать, что решение было по душе полицейскому. Сегодня ночью должно было пройти внеочередное собрание его Дома: убийство эльфа в столице заслуживало отдельного обсуждения. К счастью, на собрании будет присутствовать представитель Совета. Если Этцелю удастся заручиться поддержкой его Дома и представителя Совета, то он сможет надавить на пилигримов. Обыкновенно, комиссар игнорировал приглашения на эти виртуальные заседания – дела Домов, как и дела корпораций его мало интересовали. Пустословию и бахвальству он предпочитал сон или посещения виртуальных клубов, где он мог посетить родные душе места. Теперь же ему придётся предстать перед сородичами, а между тем косы некоторых из них уже были в метр длинной. Без сомнения, они примут его как равного, но при любой возможности будут напоминать ему его «неверный путь» и «ребячество», а ему ничего не останется как снести все эти унижения и мило улыбаться родственникам, смиренно прося их о помощи. Унижаться Этцелю никак не хотелось, но другого пути он сейчас не видел.

Настало время вернуться на Цёргибельплатц, сдать машину и сесть за отчет. В кабинете он наверняка встретится с Аннализой и она будет зла... как минимум недовольна, хотя этот эпитет вряд ли подходит к взрывному нраву напарницы. Так или иначе предстоял серьезный разговор и в этом разговоре Этцель не сможет быть откровенным.

– *Эта линия защищена?*

– *Насколько возможно.*

– *Хорошо, что тебе стало известно?*

– *Ювелир под ударом. Сегодня приходила полиция.*

– *Что с каналом доставки?*

– *До конца неизвестно, следует проявить осторожность, если ювелир под колпаком, то мы рискуем разоблачением. Предлагаю на несколько дней приостановить операцию.*

– *Время играет против нас. Надо торопиться. Известно что-нибудь о том, кто приходил?*

– *Старший комиссар Мальтхоф. Первое отделение криминальной полиции. Бессмертный.*

– *Бессмертный?*

– *Так точно. Дом Крупп.*

– *Да еще из Дома. Будь он неладен. Откуда он взялся? Присмотрись к нему, узнай над чем он работает, но и не забывай про задание.*

– *Есть.*

– *Отбой.*

Поднимаясь из гаража, Этцель проигрывал в голове возможные варианты разговора с Аннализой. Сложно было представить, в какой ипостаси она сейчас находится – валькирия или хримтурс? Этцель улыбнулся собственной увлеченности игрой, которую он сам себе придумал. Ему было уже пятьсот лет. Пять долгих веков он влачил свое существование на этой планете. Первые друзья из людей, к которым он прирос всей душой, не просто истлели, о многих из них нельзя было найти и строчки в архивах, их внуки и правнуки тоже покинули этот свет. Не было никого, кто бы помнил о них, а он... он все еще жил. Перерождение дарило бессмертному испытать эмоции заново, но не отбирало память. Раз за разом эльф учился жить, любить и горевать. Каждый раз он помнил о том, что с ним происходило до ритуала. Снова и снова он переоценивал свои действия и поступки, которые он совершал столетия назад, заставляя страдать о том, чем раньше гордился. *Dura Lex, sed Lex.*⁵

– Явился, мистер секретность? – игривое приветствие Аннализы на секунду шокировало Этцеля. – Как дела рыцарь плаща и кинжала?

– Разрешите доложить! Плащ украден, кинжал в ломбарде! – решил поддержать игру комиссар и вытянулся в струнку.

– Садись уже! – Аннализа с бело-голубым пикси махнула на свободное кресло у пустующего рабочего стола.

– Есть садиться! – старший комиссар отдал честь, а следующим движением упал в свое кресло, даже не сняв куртку.

Несколько минут они сидели молча, занимаясь каждый своим делом

– Прошу прощения, фройляйн Фогель, – сказал Этцель не отрываясь от монитора компьютера, где он выводил отчет.

– Можешь не извиняться. Перед обедом заходил Брандт и дал четкие распоряжения. Я сразу поняла, что дело дрянь. – Аннализа так же продолжала смотреть в свой монитор. Несколько недель назад они с напарником раскрыли дело об очередном “ангеле смерти” – анестезиологе, отправившем на тот свет десятки людей с тяжелыми заболеваниями во время операций, потому что свято верил, что они сами просили его об этом. Псих. Сам кейс давно был закрыт, но при задержании случилась перестрелка и в современном забюрократизированном государстве нужно было отчитаться за каждый произведенный выстрел. Этим она сейчас и занималась: “Подозреваемый сделал три шага по направлению в мою сторону, у него в руке был боевой нож Армии Оборона Империи. Исходя из возможной атаки ножом мною были произведены четыре выстрела. Первый выстрел был предупреждающим, в воздух, потом два в грудь и один в голову.”

– Спасибо за понимание.

– Смена через час заканчивается, – женщина критически посмотрела на свой отчет. Ей он явно не приходился по душе. Ну да и черт с ним. Несколько килобайт информации все равно упадут на жесткий диск какого-нибудь сервера, на который никто не заходит. Она отмахнулась, скрывая проекционную клавиатуру. – Если хочешь, можем пойти попить пива. Ты не должен ничего рассказывать, просто попьем пива. У меня от этой писанины уже голова кругом.

– Прости, Лиз. Сегодня не смогу.

– Не вопрос. Я все понимаю.

– Как только все это закончится, я обещаю, что мы с тобой сядем и хорошенько отпразднуем воссоединение нашего славного союза!

– Ах, эти высокопарные слова, но что же за ними скрывается, милорд?

– Леди, можете не сомневаться, только самые низменные пороки! – взрыв смеха словно озарил комнату. Пять лет не прошли даром, напарница доверяла ему и это было прекрасно!

⁵ Закон суров, но он закон (лат.)

После того как бумажная работа была закончена, Этцель послал сообщение на общий сервер своего Дома, в котором он покорно просил слова на сегодняшнем собрании. Ответов не последовало, никто не хотел узнать, в чем причина внезапной активности «паршивой овцы». Однако не последовало и отказа. Скорее всего все просто ждали представления.

На улице стемнело, смена старшего комиссара Мальтхофа подходила к концу. У представителя закона и члена Дома Крупп оставалось пара часов, чтобы поработать над текстом речи и над своим аватаром. Уже более ста лет он не просил слова на собрании, тогда они еще проходили очно и не так часто. С ускорением темпа жизни Дом принял решение соответствовать времени, а через несколько десятилетий интернет позволил проводить встречи, не вылезая из кровати. Последним писком моды таких встреч стали аватары. Благодаря продвинутой технологии сенсорамы, члены Дома могли смоделировать свой образ, который видели другие участники встречи. Дело было не только в том, что облик мог быть искажен, больше остального играла роль одежда, в которой представляли бессмертные. В виртуальных одеяниях можно было распознать настроение того или иного родственника, его актуальные политические взгляды или даже замаскированное послание кому-то из круга приглашенных. Каждая деталь играла свою роль. Наматывая круги вокруг Халензее, вдыхая осенний, уже прохладный воздух, Этцель начал чувствовать что-то вроде вдохновения. Опыт прожитых лет подсказывал нужные обороты, дипломатичность помогала избегать острых углов, а отчаянное желание раскрыть дело указывало на правильную расстановку акцентов.

Когда он дошел до Несторштрассе – улицы где стояла его «избушка» – у Этцеля в распоряжении было еще достаточно времени для установки оборудования, давно пылившегося в рабочем кабинете, и на бокал вина для расслабления. «Избушка», – комиссар хмыкнул про себя, оглядывая трехэтажное строение в стиле модерн. Так называл это произведение искусства сосед Этцеля, русский писатель Набоков, бежавший в начале двадцатого века от последствий революции в его стране. Этот чудаковатый смертный был прекрасным собеседником, но с приходом коричневых к власти его жизнь, как и жизнь всех, изменилась... не в лучшую сторону. Он уехал сначала во французскую республику, а потом и за океан. Все тогда летело к чертям. Сенсор в дверной ручке считал отпечатки пальцев и, распознав хозяина, открыл замок.

Убранство своего скромного жилища Этцель подбирал много лет. Последнее перерождение подарила эльфу любовь к арт-деко. Его личного состояния, скопленного за прошлые столетия, хватило с лихвой на особняк в центре города и на соответствующее внутреннее убранство. Но не тем было живо его пристанище. Год за годом Этцель подбирал небольшие, приятные сердцу безделушки, которые придавали дому приятный характер английской провинциальной усадьбы. На первом этаже располагался просторный зал с кухней, на втором – две большие гостевые спальни, а наверху, где обитал сам комиссар, можно было найти его спальню, рабочий кабинет и библиотеку. Второй этаж уже почти сто лет пустовал, после «предательства» во время Войны члены Дома и близкие родственники не спешили гостить у него, а своих коллег по работе он не спешил звать на посиделки. Кто-то и так распустил по всему управлению слух, что старший комиссар живет в княжеских условиях. Давать лишний раз почву для таких слухов Этцель не хотел. Первый этаж, в частности его большой зал, тоже использовался исключительно редко, только на кухне эльф бывало проводил долгие вечера в одиночестве, балуя себя изысканными блюдами из низовьев Дуная. Этцель любил этот дом, но первые два этажа постепенно превращались в музей, а это навевало ненужную грусть. На входе хозяин дома повесил свою куртку на изящную латунную вешалку и, не вглядываясь в пустоту зала, вбежал по лестнице на верхний этаж, где направился в свой кабинет. Там он включил компьютер и стал настраивать оборудование, которое он достал из низкого массивного серванта. Шлем и перчатки виртуальной реальности чем-то походили на рыцарское обмундирование позднего Средневековья. Шлем с его почти глухим забралом можно было принять за армет, а перчатки за счет своей плотности и тяжести мог носить благородный рыцарь незадолго до рождения

Этцеля. В одном эти механизмы отличались от лат – с десятков тонких проводков тянулись от них к компьютеру, который считывал каждое сокращение мышц пользователя, чтобы передать в виртуальный зал любое движение. Мягкая, но плотно прилегающая подкладка шлема отвечала за мимику, чтобы от участников разговора не скрылся ни один нюанс.

Около часа комиссару понадобилось, чтобы набор виртуальной реальности отвечал его потребностям, и он мог быть уверен, что во время его выступления не случится технического сбоя. Все-таки он не пользовался им уже долгое время. До собрания оставалось еще около тридцати минут и Этцель понял, что наступило время последних приготовлений. Он отошел от стола к небольшому кубическому бару из массива красного дерева, достал оттуда початую бутылку рейнландского пино-нуара и простой «пузатый» бокал для красного вина. Мальтхоф наполнил бокал наполовину, откинулся на удобном кресле и сделал большой глоток. Глубокий фруктовый вкус и разливающееся по телу тепло почти убедили эльфа в успехе мероприятия. Последние свободные минуты он посвятил тому, что вспоминал имена и звания своих родственников. Без десяти одиннадцать на его личный электронный адрес пришло письмо с сервера Дома с одной лишь ссылкой в теле. Ссылка на закрытую вечеринку. «Show time!»⁶

– Добрый вечер, милорды и миледи! Мое имя Накано Такэко из Дома Тейсицу. Я представляю Совет Высоких Домов. Я наблюдаю и не вмешиваюсь, но имею голос, который будет звучать на Совете. Прошу, Дом Крупп, начинайте! – эльфийка азиатской внешности в классическом мару-до-ёрой⁷ церемониально открыла собрание. Представитель Совета должен был участвовать на каждом собрании. Для того чтобы Совет всегда имел достоверную информацию о том, что происходило в каждом Доме, он посылал представителя на каждое собрание, а чтобы представителя не могли подкупить, каждые несколько лет этот пост занимал член другого Дома. Такая ротация была изнуряющим, но действующим механизмом, который не давал «увлечься» тому или иному Дому, как увлекся сто лет назад Дом Крупп. Уже второй год представителем была Накано – молодая воинствующая эльфийка, даже не скрывавшая презрения к людям, как и доброго отношения к Дому Крупп. Она заняла свое место за столом, стоящим посреди оркестры огромного амфитеатра, на ступенях которого располагались члены Дома. За столом, по левую руку от представителя Совета, восседал эльф, который был готов взять слово.

– Благодарю, Такэко. Сыновья и дочери, внуки и правнуки, все, кто присоединился к моему Дому! Я, Арвид Крупп, приветствую вас, – тонкая и сухая фигура даже в виртуальном мире источала силу и величие. Около трех сотен остроухих голов были повернуты в сторону отца, а их глаза смотрели на него с уважением, а некоторые – даже с нескрываемым обожанием. «Всеобщий отец», таков был титул Арвида, был одет в приталенный стуртучный костюм серебряного цвета, по стилю и покрою напоминающий позднюю индустриальную эпоху – время зенита его Дома. Старший комиссар не был в кровном родстве с основной линией семьи. Его род вошел в клан Круппа еще в семнадцатом веке, но полицейский, как и другие, искренне уважал отца. – Вчера немногие из вас узнали об убийстве вечного на нашей территории. Сегодня мы узнаем подробности, – Этцель напрягся, он не хотел, чтобы его вписали в общий список выступающих. – Хильдебальд Мальтхоф предоставит нам первый отчет, также мы заслушаем наших близких из финансового, инвестиционного и военного отдела корпорации... неожиданно для нас всех и для меня лично слова на собрании попросил Этцель Мальтхоф. Его голос мы услышим в под конец собрания. Начнем. Хильдебальд, тебе слово.

– Благодарю, отец! – мужчина из первого ряда поднялся, подошел к столу и встал по правую руку от сидевшего Арвида. – Родичи, наш отец уже упомянул горестное происшествие, случившееся на улицах нашей столицы. Нами были предприняты все необходимые шаги... – в

⁶ Представление начинается (англ.)

⁷ Вид самурайских доспехов.

этот момент Этцель перестал слушать. Речь Хильдебальда, как всегда изобиловала деталями и витьеватыми оборотами, однако для старшего комиссара они не имели никакого значения. Кузен не мог сказать решительно ничего нового в плане расследования, потому что его речь основывалась на выводах из отчета, который составил следователь, то есть сам Этцель, а подковерные игры в ратуше и полицейском президиуме его не интересовали. Хильдебальд с Альбрун уже подложили ему свинью, оставив без поддержки полиции, так что время можно было провести с большей пользой. Комиссар, стараясь не привлекать внимания, стал аккуратно осматривать присутствующих. Из-за полукруглой формы амфитеатра всех рассмотреть было невозможно, но три-четыре дюжины бессмертных были видны как на ладони. Все собравшиеся следовали древней традиции и имели хотя бы один элемент одежды серебряного цвета. В остальном многие копировали стиль Арвида. Мужчины в таких же стуртуках, женщины в платьях с «бараными ножками» были поглощены полной драматизма историей Хильдебальда. Однако среди царившего однообразия можно было заметить и некоторые детали, указывавшие на личные цели родственников. У Альбрун, сидевшей согласно ее статусу по левую руку от Арвида, на шее красовался массивный золотой обруч с инкрустированными в него сапфирами и рубинами, какие носили разве что в раннем Средневековье. У нескольких сестер из Австрии Этцель заметил похожие украшения. Такие украшения давно вышли из моды и не могли быть не чем иным, как символом какой-то партии внутри Дома. Что за партия это была – стоило еще выяснить, но, присмотревшись к Арvidу, комиссар не заметил ни одного золотого украшения и успокоился: пока отец оставался нейтральным, Дом был в безопасности. Около десятка эльфов носили повязки синего цвета, но это была давно известная и разрешенная партия технологических прогрессистов, которые отвечали за развитие науки и военного дела. Только наивные смертные пытались разъединить эти позиции, в Доме Крупп одно было неотделимо от другого. Большие явных отличий Этцель не заметил. Тем временем один доклад следовал за другим, и комиссар огорчился, что шлем не давал ему отпить вина в реальном мире. Это был не его мир, не его общество. В очередной раз окинув взглядом собрание, он с удовольствием увидел, что Бледель, как и он, не скрывал скуки. Его кровный брат с каменным лицом смотрел прямо на докладчика и только редко моргал. Для незнающих это могло казаться примером внимательности и только Этцель знал, что в это время его брат перечитывал свои любимые книги, которые тот выучил наизусть, когда коричневые стали жечь книги. Благо этот темный период закончился очень быстро, а вот Бледелю эта игра понравилась, и он продолжил таким образом тренировать свою память. Феноменальные способности брата были недоступны самому полицейскому; все, что ему оставалось, – с белой завистью наблюдать за этим театром одного актера.

– Благодарю, Фридберт! Мне кажется, что предложения моего названного сына должны быть одобрены. В конечном итоге разработка углеродных аккумуляторов даст нам... определенные... конкурентные преимущества. – сначала Бледель, а за ним Этцель поняли, что их отец подбирает слова и делал это он из-за представителя Совета. Соперничество между Домами официально было порицаемо. Официально борьба шла только со стрижеными, но планета была одна, а Домов – не один десяток. Все ждали реакции Накано Такэко, она же, выждав несколько долгих секунд, пока атмосфера в виртуальном амфитеатре не накалилась, залилась громким и открытым смехом, так несвойственным ее народу.

– Друг мой, Арвид! Успокойтесь. Как в вашей империи говорят: «Friedliebend ja – aber bitte nicht naiv!»⁸ – зал одобрительно захлопал, кто-то даже выкрикнул: «Браво!» – Я не вижу в разработке долго действующей батарейки большой угрозы мирозданию, – продолжила Такэко. – Однако я попрошу Дом Крупп в случае успешного тестирования батареи предоставить планы, объемы производства и сбыта изделия.

⁸ Мирная жизнь – да, но, пожалуйста, без наивности! (нем.)

– Конечно, Такэко. Спасибо за понимание, – отец был явно удовлетворен. После Войны Дом Крупп изначально подозревался во всевозможных преступлениях и даже такая невинная оговорка могла обернуться большими проблемами. На этот раз обошлось. Присутствующие уже начали нетерпеливо ерзать на стульях, ожидая завершающих слов отца, но он в отличие от собрания помнил, что не все ораторы побывали на оркестре. – Прошу вас! Не будем уподобляться вечно спешащим смертным, впереди еще вся ночь. Мой сын, мой дорогой сын, Этцель, у тебя кажется было что сказать, – комиссар не был уверен, что отец знал, где тот сидит, но мужчина с длинной, почти до колен, косой не искал его, а просто поднял глаза, будто только они вдвоем находились в этом месте без времени и пространства. – Спустишься и расскажи, что у тебя на душе, – открытой ладонью пригласил Арвид своего блудного сына вниз.

Этцеля это тронуло. Он знал, что заслужил эту любовь и причина скрывалась не только в их первой встрече, но во многолетнем служении Дому Крупп... хотя может быть, и в чем-то другом. Комиссар встал. У всех, кроме сидящих рядом с ним эльфов, его наряд вызвал легкую оторопь. Этцель спускался вниз в форме королевской охраны, введенной почти сразу после становления империи. Тёмно-синий сюртук с двумя рядами серебряных пуговиц, черные брюки и сапоги. Вишенкой на торте была простая без украшений сабля в таких же простых деревянных ножнах. Его не самые длинные волосы свободно развивались за плечами. Униформа говорила о его спорном статусе правоохранителя, но именно это он и хотел подчеркнуть. Распуценные длинные волосы и серебряные пуговицы, вместо положенных позолоченных, подчеркивали его принадлежность к эльфийскому роду, от которой он никогда не отказывался и отказываться не собирался. Дерзость пришла по душе отцу, Бледелю и Такэко, имевшей судя по ее наряду слабость к униформам, а вот Альбрун только отвела глаза. Первой реакции Хильдебальда Этцель не видел, но встретившись с кузеном глазами, он не видел в них ни особого одобрения, ни порицания. Хильдебальд владел собой на все сто процентов. Дойдя до стола, Этцель, как и положено, сначала обратился к Арвиду:

– Благодарю отец, я надеюсь, моя речь не отнимет у Дома слишком много времени, – теперь он мог повернуться к залу. – Моя семья! Простите мне мою дерзость. Я знаю, как редко я посещаю собрание нашего Дома. В свое оправдание могу лишь сказать, что мою верность отцу, Дому и всем вам я выражаю на улицах Берлина. Столица империи, столица нашего любимого детища должна быть самым родным, приятным, а самое главное безопасным уголком на планете и в этом я вижу свое служение нашему Дому. Днем и ночью я выметаю грязь с наших улиц, чтобы мы, все мы, могли чувствовать себя спокойно. Ради этого я вынужден приносить жертву, терзающую меня ежедневно – наше общество. Прошу извинить меня за это, – для Арвида, Альбрун и Хильдебальда эти слова не возымели никакого действия: они прекрасно понимали, что это чистойшей ложью. Однако другие члены могли и поверить этому покаянию. – Но вчера произошло трагическое событие, мешающее нашему мирному существованию! Наш сородич Мар-Ямин Онезорг был жестоко убит. Кузен Хильдебальд уже описал вам ход следствия, но у меня на руках данные, которые кузену были недоступны, – в этот момент кузен не справился со своей мимикой и послал уничтожающий взгляд в сторону комиссара. Младшего по званию полицейского это позабавило. Старший советник полиции, главный надсмотрщик Дома Крупп, в этом строптивом гражданском органе чего-то не знал! Скандал! – Мне стало известно, что убитый, работая в ОКЗ, не был представителем Американского Дома. Мои попытки хоть что-то выяснить разбились о стену неприязни со стороны пилигримов. Меня, представителя Дома Крупп, выставили без объяснения причин! А ведь это могло привести меня к убийце! Это могло сделать наши улицы снова безопаснее, но нет! Пилигримы считают, что могут сами решать, что им говорить, а что утаивать. Если бы это касалось члена их Дома, то быть может, у меня и нашлись бы крупинцы понимания столь высокомерного поведения, но я хочу еще раз подчеркнуть: Онезорг не был членом

Американского Дома. То есть речь в данном случае не идет ни о чести их Дома, ни о законных притязаниях на некоторую приватность. Пилигримы просто указывают нам на угол и кричат: «Место!» Я хочу задать вам вопрос, на который, я надеюсь, знаю ответ: кто хозяин в Берлине? С каких пор пилигрим может отказывать Крупну на его земле?! Что или кого они скрывают в своей Зоне?.. Не убийцу ли?..

– Этцель, довольно! – окрик Арвида был строг, но не агрессивен. Никому не нравились пилигримы, однако такие голословные обвинения могли сделать из потерпевшего обвиняемого. Любую речь, как и любое блюдо, важно было «не пересолить», и здесь отец пришел на помощь своему отпрыску. – Переходи к делу.

– Прости, отец. Прости меня, моя семья! Все, что я хотел сказать, я сказал. Я глубоко возмущен поведением пилигримов и смиренно прошу вашего содействия.

– Что тебе нужно, племянник? – тихо спросила Альбрун. Арвид, как глава Дома, не имел права рисковать конфликтом с Американским Домом, но частная инициатива одного из Дома, при поддержке большинства не могла не быть услышанной. Однако то, что вызовется Альбрун... Этцель не ожидал. Он ставил на Бледея, который, видно, просто не успел.

– Помощь, многоуважаемая тетя. Резолюция Дома, чтобы пилигримы открыли карты. Кем был Онезорг и чем он занимался в ОКЗ.

– Что ж... – Альбрун посмотрела в зал, где-то тут, то там слышались возгласы поддержки Этцеля. – В пламенной речи моего племянника было много лишнего, но и достаточно истины. Пилигримы, кажется, забыли, что они гости! Я даю свое имя на резолюцию, и надеюсь, что собравшиеся присоединятся ко мне! – зал одобрительно забурился.

– Однако... чтобы пилигримы открыли вам свои двери, господин Мальтхоф, одной резолюции будет недостаточно, – Такэко не поднимала голос, но едва она заговорила, как виртуальный шум стих. – Я представитель Совета Высоких Домов и выслушала ваше обвинение. После собрания оно будет незамедлительно передано в Совет, но прежде... прежде вы получите печать представителя Совета на вашу резолюцию, ибо в моих глазах вы действуете не только в интересах вашего Дома, но и в интересах ойкуменского мира, – зал разразился овациями.

– Благодарю вас, тетя, благодарю вас представитель Совета Накано. Я в вашем долгу!

– Даже не сомневайся, – очень тихо, что только племянник мог ее услышать, произнесла Альбрун.

– Раз собрание проголосовало, предлагаю закончить официальную часть. По поводу резолюции прошу прислать ваши электронные подписи на наш электронный адрес. Всем спасибо! – Арвид встал, развел руки, словно обнимая всех собравшихся, потом прислонил правую руку к сердцу и церемониально поклонился. В последнюю секунду он повернул голову к Этцелю и быстро подмигнул сыну. Старший комиссар понял, что глава Дома отдал Альбрун ногу под столом, чтобы она подставила полицейскому плечо. Названный сын благодарно кивнул головой.

Глава 4

– Было глубоко за полночь, когда, распрощавшись с родственниками, Мальтхоф снял с себя шлем. Зная деловую хватку бессмертных, Этцель был уверен: его родня вышлет свои подписи еще до рассвета, а канцелярия подготовит резолюцию еще в первой половине дня. Можно было бы подождать официального письма, но такие тонкости были в данном случае ни к чему. Старший Комиссар решил, что завтра сам наведается в головной офис корпорации, возглавляемой его отцом. Пока же ему стоило отдохнуть, ведь вчерашнюю ночь он провел без сна. Несмотря на расхожую легенду о том, что эльфы не спят, бессмертным требовался сон, пусть и не в таком объеме, как смертным. Комиссар отключил оборудование, осушил бокал с вином, подумал и налил себе еще один. Ему не хотелось видеть сны, ему никогда не хотелось видеть сны, слишком часто в них всплывали мотивы, о которых он предпочитал бы не вспоминать. Два бокала вина, конечно, не могли опьянить эльфа, ни бутылка, ни две, но Этцелю хотелось верить, что фруктовый привкус отгонит тени прошлого. На его счастье так и произошло. Эта ночь, или те три часа, которые старший комиссар провел в кровати, были наполнены обволакивающей и успокаивающей тьмой. Лицо эльфа во время сна было расслаблено.

Утро показало, что берлинская осень полностью вступила с свои права. Мелкий, моросящий дождь смыл все краски города, а бетонного оттенка тучи, лежали на крышах домов столицы. Несмотря на это, Этцель был в хорошем расположении духа. Отдохнувший и свежий, он быстро привел себя в порядок и выбежал из дому, до смены он еще очень хотел встретиться с Клариссой. Перейдя на тротуар, эльф в очередной раз пожалел, что так и не решился в свое время купить себе автомобиль. Он любил машины и любил водить, но покупка транспортного средства для бессмертного всегда упиралась в статусность – автомобиль или, в крайнем случае, мотоцикл должен был стоить не менее определенной суммы, быть или антикварным, или самым новым, компромиссов в данном вопросе не допускали. Как член Дома Крупп Этцель имел возможность с помощью семьи иметь не один, а несколько дорогих автомобилей, но в этом-то и заключалась проблема. Старший комиссар не хотел прибегать к помощи Дома в данном вопросе, да и провоцировать своих коллег по полиции нарочито дорогим «майбахом». Поэтому, взвешивая все за и против, Этцель каждый раз решал, что служебного «вандерера» ему было вполне достаточно, хотя этот стоицизм в данную минут никак не спасал бегущего эльфа от холодного дождя, благо что перед выходом он успел сообразить и надел свой любимый серый тренчкот. Добравшись до кафе, комиссар заметил, что немного опоздал – заведение уже было открыто и кофемашина уже пытела горячим паром и разносила по всему залу невероятный аромат хорошо обжаренной арабики. Столики снаружи из-за погоды не стали выставлять, и постоянный клиент сел за барную стойку у окна.

– Доброе утро, господин Мальтхоф! Ужасная погода! Надеюсь, медовый раф поможет вам согреться.

– Доброе утро, Кларисса! Будьте добры, добавьте к моему заказу большой кусок яблочного штруделя и... простите, дорогая. Я совсем не знаю, подают ли у вас горячие завтраки! – на извиняющуюся улыбку клиента Кларисса ответила коротким смешком.

– Ах, господин Мальтхоф, а я уж и не думала, что вы когда-нибудь спросите! Да, у нас есть горячие блюда. Сегодня я могу предложить вам омлет с яуэрскими сосисками. Вам принести?

– Да, будьте любезны! – Этцель не собирался повторять вчерашней ошибки и решил плотно позавтракать.

– Итак, медовый раф, омлет с сосисками и большой кусок яблочного штруделя. Сейчас принесу.

– Вы меня обяжете, если захватите сегодняшнюю газету.

– Конечно, господин Мальтхоф. Одну минуту.

– Кларисса, вас я готов ждать хоть целую вечность, – без задней мысли сказал Этцель, а официантка только кротко улыбнулась и скрылась на кухне. Да, было в ней что-то неуловимо чистое, искреннее, что рассеивало тучи даже в самое хмурое утро.

Эльф взглянул на часы, висевшие на стене, и удостоверился, что для завтрака осталось достаточно времени. Буквально через несколько минут дверь кухни открылась и к разочарованию Этцеля из него вышел хозяин кафе, неся в руках большой поднос, полный простой, но очень вкусной снеди.

– Старший комиссар Мальтхоф, мое почтение! Ваш заказ, – расторопный хозяин быстро и без лишних слов расставил блюда перед клиентом. – Приятного аппетита!

– Благодарю, Норберт! – крепкий немолодой мужчина отвесил легкий поклон и удалился в свою обитель, куда простому люду вход был закрыт.

Завтракал Этцель без спешки, но и без лишних проволочек. Кларисса по какой-то причине больше не выходила из кухни и всех клиентов, которыми с каждой минутой заполнялось кафе, обслуживал сам хозяин. Уж не обидел ли эльф свою нимфу? Раздумывать над этим у комиссара сейчас не было времени. Доев последний кусочек свежего штруделя, он положил на стол купюру в двадцать гульденов. Он не хотел покупать расположение девушки, но щедрые чаевые были, с его точки зрения, не больше, чем знаком признательности, и он оставил деньги на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.